

ЯВЛЯЮТСЯ ЛИ ИНСТИТУТЫ ПРИЧИНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА?*

Эдвард Глэзер, Рафаэль Ла Порта, Флоренсио Лопес-де-Силанес,
Андрей Шлейфер**

Резюме

Мы вновь обращаемся к дискуссии относительно того, являются ли политические институты причиной экономического роста, или, наоборот, экономический рост и накопление человеческого капитала ведут к улучшению качества институциональной среды. Мы приходим к выводу, что большинство показателей качества институтов, которые используются для подтверждения того, что институты являются причиной экономического роста, построены таким образом, что делает их концептуально непригодными для этой цели. Кроме того, мы обнаруживаем недостатки некоторых используемых в литературе методов анализа с помощью инструментальных переменных. Основные результаты регрессионного анализа, полученные на основе метода наименьших квадратов, а также множество дополнительных фактов указывают на то, что: а) человеческий капитал является более важной причиной экономического роста по сравнению с институтами, б) некоторые страны преодолевают бедность посредством хорошей политики, которая часто реализуется в условиях диктатуры, и в) после этого совершенствуются политические институты.

Классификация JEL: O11, O40

Ключевые слова: институты, показатели качества институтов, человеческий капитал, экономический рост

1. ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время перед американским и международным сообществом стоят две основные проблемы экономического развития, относящиеся ко всем странам мира – от Ирака до Гаити и африканских стран, располо-

* Glaeser, E.L., La Porta, R., Lopez-de-Silanes, F., and Shleifer, A. (2004) Do Institutions Cause Growth? *NBER Working Paper*, 10568, June.

© Glaeser, La Porta, Lopez-de-Silanes, and Shleifer, 2006

** Эдвард Глэзер – профессор Гарвардского университета (г. Кембридж, США), e-mail: eglaeser@harvard.edu; Рафаэль Ла Порта – профессор Дартмутского колледжа (г. Ганновер, США), e-mail: rafael.laporta@dartmouth.edu; Флоренсио Лопес-де-Силанес – профессор Йельского университета (г. Нью-Хэйвен, США), e-mail: florencio.lopezdesilanes@yale.edu; Андрей Шлейфер – профессор Гарвардского университета, e-mail: ashleifer@harvard.edu. Авторы выражают благодарность Филипу Агиону, Оливеру Бланшару, Одеду Галору, Саймону Джонсону, Аарту Крааю, Россу Ливайну, Торстену Перссону, Дани Родрику и трем анонимным рецензентам за полезные комментарии, а также Себастьяну Брауну за помощь при проведении исследования. Взгляды, выраженные в данной статье, принадлежат исключительно авторам и необязательно отражают взгляды Национального бюро экономических исследований.

женных к югу от Сахары: как вызвать экономический рост и установить демократию. В рамках экономических исследований существуют два основных подхода к решению этих проблем. Первый подход акцентирует внимание на необходимости первоначального установления демократии и других ограничений государства в качестве механизмов, обеспечивающих защиту прав собственности. Ожидается, что введение подобных политических институтов будет способствовать инвестициям в человеческий и физический капитал и, следовательно, экономическому росту. Второй подход указывает на необходимость накопления человеческого и физического капитала, которое инициирует процесс экономического роста. Согласно данному подходу, защиту прав собственности могут обеспечить даже диктаторы, если они являются сторонниками рынка, и это вопрос выбора политики, а не наличия политических ограничений. С точки зрения бедных стран, демократия и усовершенствование других институтов рассматриваются как результат, а не причины повышения уровня образования и благосостояния.

Оба подхода к проблеме экономического развития имеют обширную интеллектуальную основу. Значение ограниченной роли государства подчеркивалось Монтескье (Montesquieu (1748)) и Смитом (Smith (1776)), а также представителями новой институциональной экономической теории (Buchanan, Tullock (1962); North, Thomas (1973); North (1981; 1990)). В работе DeLong, Shleifer (1993) представлены первые эмпирические факты, подтверждающие эту точку зрения с использованием данных относительно урбанизации европейских регионов в течение последнего тысячелетия, которые указывали на более быстрый рост городов при условии ограничения роли государства. Позднее ученые, занимающиеся проблематикой экономического роста, начиная с работ Knack, Keefer (1995) и Mauro (1995), обратились к изучению воздействия на экономический рост подходящих институтов. Необходимо отметить, что в последних работах, в том числе Hall, Jones (1999), Acemoglu, Johnson, and Robinson (2001; 2002), Easterly, Levine (2003), Dollar, Kraay (2003) и Rodrik, Subramanian, and Trebbi (2002), ученые вплотную приблизились к интеллектуальному консенсусу относительно того, что политические институты, ограничивающие функции государства, являются причиной экономического роста.

Противоположная идея, а именно, что увеличение доходов и человеческого капитала способствует улучшению качества институциональной среды, наиболее тесно связана с работой Сеймура Мартина Липсета (Lipset (1960)), который, однако, отдает должное Аристотелю. Липсет полагал, что образованные люди будут разрешать противоречия скорее посредством переговоров и голосования, а не ожесточенных споров. Образование необходимо для обеспечения деятельности судов, оно позволяет гражданам работать в государственных институтах. Грамотность способствует распространению информации о злодеяниях государства. Согласно данной точке зрения, страны различаются запасами человеческого и социального капитала, который может быть приобретен при осуществлении опре-

деленной политики даже в условиях диктатуры, и результаты функционирования институтов во многом зависят от запасов этого капитала (см. Djankov et al. (2003)). Данное направление исследований, по всей видимости, хорошо согласуется с опытом Южной Кореи, Тайваня и Китая, экономика которых росла быстрыми темпами в условиях однопартийной диктатуры – при том, что первые две страны, в конце концов, повернулись в сторону демократии. В эмпирическом плане гипотеза Липсета о том, что экономический рост порождает более совершенные политические институты, получила серьезное подтверждение в работах Пшеворского и его коллег (Alvarez et al. (2000)), а также Барро (Barro (1999)).

Важно, что указанные два взгляда на экономическое и политическое развитие имеют определенное сходство. Оба взгляда подчеркивают необходимость защиты прав собственности с целью содействия инвестициям в человеческий и физический капитал, при этом подобная защита рассматривается как результат общественного выбора соответствующей политики. Однако институциональный подход рассматривает политику содействия инвестициям как следствие политических ограничений функций государства, тогда как подход с точки зрения экономического развития трактует подобную политику *в бедных странах* главным образом как результат *выбора* – как правило, ничем не ограниченного – их руководства.

В данной работе мы вновь обращаемся к этим двум основным подходам к экономическому развитию в попытке оценить их эмпирическую обоснованность. Наша точка зрения в определенной степени сформирована на основе опыта Северной и Южной Кореи, проиллюстрированного на рис. 1. Понятно, что до Корейской войны это была единая страна, так что было бы трудно предположить, что у них разная история. В 1950 г. Северная и Южная Корея оставались исключительно бедными странами. В период между окончанием Корейской войны и 1980 г. в обеих странах была диктатура. Если измерять качество институтов «ограничениями исполнительной власти», что, как показано ниже, является, возможно, наилучшим и широко используемым в литературе показателем, который рассчитывается на основе базы данных проекта «Polity IV», то в 1950–1980 гг. среднее значение данного показателя для Северной Кореи составляло 1.71, а для Южной Кореи – 2.16 (из 7). Несмотря на это, южнокорейские диктаторы отдали предпочтение капитализму и защите прав собственности, в результате чего экономика страны росла быстрыми темпами, достигнув в 1980 г. уровня доходов на душу населения в размере 1589 долл. В отличие от этого, северокорейский диктатор выбрал социализм, и к 1980 г. страна достигла уровня доходов в размере лишь 768 долл. На рис. 1 также показано, что начиная с 1980 г. Южная Корея постепенно трансформируется в демократическую страну, тогда как в Северной Корее по-прежнему имеет место диктатура. Если рассматривать полувековой период между 1950 и 2000 гг., то очевидно, что *в среднем* Южная Корея имела институты более высокого качества, которое можно измерить посредством ограничений исполнительной власти, однако данные институты являются резуль-

татом экономического роста, достигнутого после 1950 г., а не его причиной. Было бы неправильно увязывать экономический рост в Южной Корее с наличием этих институтов, а не с выбором, сделанным диктаторами в этой стране.

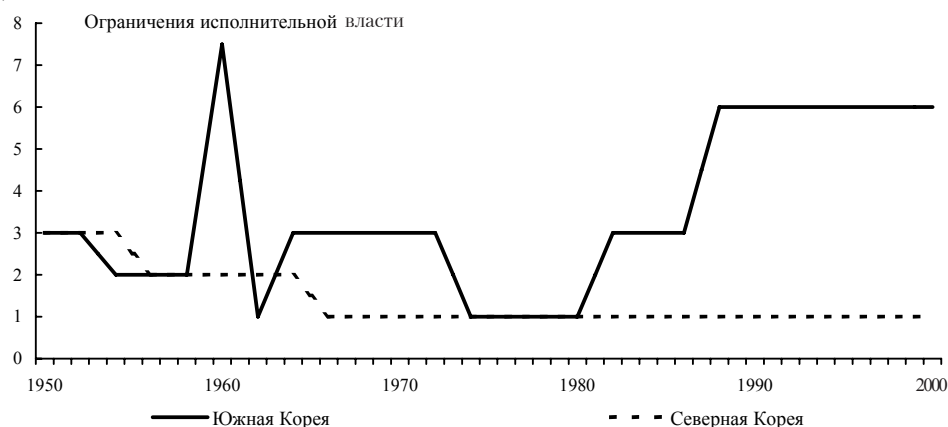

Рис. 1. Ограничения исполнительной власти, 1948–2001 гг.: Северная и Южная Корея

Наш эмпирический анализ осуществляется в пять этапов. Во втором разделе мы вновь обращаемся к трем показателям качества «институтов», которые используются в современной литературе по экономическому росту: риску экспроприации собственности государством, эффективности государства и ограничениям исполнительной власти. Мы показываем, что первые два из этих показателей *по определению* не описывают качество политических институтов: они являются результирующими показателями, отражающими прежнюю политику государства в части отказа от экспроприации собственности в первом случае и качество государства – во втором. Данные показатели не дают оценку роли диктаторов, которые решили уважать права собственности, в этом отношении они ничем не отличаются от демократически избранного руководства, у которого *нет иного выбора*, кроме как уважать эти права. Поскольку эти показатели не отражают наличие ограничений государства в условиях диктатуры, они не являются характеристикой качества институтов, которые, по своей сути, такими ограничениями и являются (North (1981)). Кроме того, оба показателя носят субъективный характер, и их величина существенно возрастает при переходе на более высокий уровень экономического развития, вызывая серьезные сомнения в том, что они являются причиной экономического роста, а не наоборот.

Третий рассматриваемый нами показатель – ограничения исполнительной власти – в принципе связан с ограничениями государства, однако в реальности он рассчитывается таким образом, чтобы отражать ре-

зультаты последних выборов. В развивающихся странах даже этот показатель является чрезвычайно изменчивым: нельзя с уверенностью утверждать, что он отражает наличие долговременных правил, процедур или норм, которые обозначаются термином «институты». Мы показываем, что эти три общепринятых показателя качества институтов фактически не коррелируют с показателями конституционных ограничений государства, которые ученые недавно начали использовать. Все эти факты вызывают сомнение в справедливости утверждения, что показатели качества институтов, используемые в литературе по экономическому росту, отражают какие-либо «глубинные» параметры, которые они призваны измерять.

В третьем разделе рассматриваются некоторые из основных результатов применения метода наименьших квадратов в анализе взаимосвязи между институтами, человеческим капиталом и экономическим ростом. Мы подтверждаем справедливость глубоко обоснованного к нынешнему моменту утверждения, что исходный уровень человеческого капитала определенной страны и *средний* уровень качества институтов за определенный период времени позволяют спрогнозировать темпы экономического роста в этой стране за *тот же самый* период времени. Однако, как показано во втором разделе и о чем свидетельствует пример Южной Кореи, по мере того как страна становится богаче, качество институциональной среды повышается. Фактически, мы приходим к выводу, что при многих спецификациях исходный уровень ограничений исполнительной власти *не* объясняет последующий экономический рост, тогда как исходный уровень человеческого капитала по-прежнему позволяет делать точные прогнозы. Таким образом, даже результаты применения метода наименьших квадратов не подтверждают идею, что наличие ограничений исполнительной власти является причиной экономического роста, а свидетельствуют в пользу того, что более существенным фактором является человеческий капитал.

В четвертом разделе мы пытаемся более подробно рассмотреть данные вопросы, проанализировав положение бедных стран в 1960 г. Мы обнаруживаем, что практически во всех этих странах население было необразованным, а, кроме того, их возглавляли диктаторы. Действительно, после 1960 г. большинство стран этой группы основную часть времени прожили в условиях диктатуры. Эти диктаторские страны существенно отличались темпами экономического роста; данное наблюдение само по себе противоречит точке зрения, что ограниченная роль государства определяет темпы экономического роста в бедных странах. Практически повсеместное распространение диктатуры в бедных странах указывает на то, что защита прав собственности там является результатом выбора соответствующей политики, а не наличия ограничений.

В пятом разделе мы обращаемся к одной из основных стратегий, используемой исследователями для выявления главенствующей роли политических институтов: инструментальным переменным. Мы рассматриваем последние работы Асемоглу, Джонсона и Робинсона (Acemoglu, Johnson,

and Robinson (2001; 2002)), которые показывают, что применительно к европейским колониям уровень смертности поселенцев и плотность населения в 1500 г. позволяют объяснить современные качество институциональной среды и уровень экономического развития. Однако мы утверждаем, что данные результаты ничего не говорят о ключевой роли институтов. Так, европейцы, селившиеся в Новом Свете, могли привносить с собой не столько свои институты, сколько самих себя, то есть свой человеческий капитал. Данная неоднозначность теории соответствует и эмпирическим фактам. Мы показываем, что даже инструментальные переменные, используемые в литературе как показатели качества институтов, более тесно коррелируют с сегодняшним человеческим капиталом и тем, который был в 1900 г., и что при использовании спецификаций с инструментальными переменными для объяснения экономического роста человеческий капитал имеет более важное значение, чем институты. С эконометрической точки зрения данные факты указывают на то, что характер поселений не является действительной инструментальной переменной, отражающей качество институтов.

В шестом разделе мы завершаем наш эмпирический анализ, рассматривая временные рамки накопления человеческого капитала и улучшения качества институциональной среды. Мы обнаруживаем факты, когда, подобно примеру Южной Кореи, экономический рост и накопление человеческого капитала являются причиной улучшения качества институтов, а не наоборот.

И, наконец, в седьмом, заключительном, разделе представлены некоторые выводы из нашего анализа. Мы обнаруживаем, что наша точка зрения в гораздо большей степени соответствует взглядам Липсета, чем новых институционалистов. Если рассматривать в качестве ориентира опыт бедных стран за последние пятьдесят лет, то для этих стран введение политических ограничений государства может и не являться жизнеспособной стратегией обеспечения защиты прав собственности. Наоборот, им, возможно, необходимо сосредоточить внимание на экономической политике и выборе, обеспечивающим подобную защиту даже в условиях диктатуры. Экономический рост в бедных странах возможен без непосредственного повышения качества институциональной среды, и, вполне вероятно, он, в свою очередь, приведет к повышению качества институтов. По крайней мере именно на это указывают эмпирические данные.

2. ИЗМЕРЕНИЕ КАЧЕСТВА ИНСТИТУТОВ

Норт определяет институты как «некоторый набор правил, процедур их закрепления, моральных и этических норм поведения, призванных *ограничивать* поведение индивидов в целях максимизации благосостояния или полезности субъектов» (North (1981), 201–202). Ключевое слово, присутствующее в данном и других определениях, – это ограничения. Тем самым, конституции или правила проведения выборов являются подлежа-

щими примерами институтов, тогда как адекватная политика, проводимая свободными в своих действиях диктаторами, таковым примером не является. Однако существует и другой важный аспект институтов, отмеченный даже в словарях: необходимо, чтобы ограничения носили более или менее постоянный или долговременный характер. Действительно, временные «ограничения» не обязательно будут действенными и могут быть изменены теми, кому они не нравятся. Например, именно на подобное постоянство, или «глубину», институтов ссылаются при обосновании необходимости использования исторических данных для определения качества современных институтов (Rodrik et al. (2002)). Так, правовая система или правила проведения выборов в большей степени соответствуют понятию «институты», когда они действительно используются в течение определенного времени, в отличие, например, от президентства Билла Клинтона и Джорджа Буша, которое большинство людей «институтами» считать не будет.

В данном разделе мы рассматриваем показатели качества политических институтов, используемые в современных исследованиях. Мы задаемся вопросом, отражают ли эти показатели качества институтов а) ограничения государства и б) постоянные или, по крайней мере, долговременные характеристики институциональной среды. Мы приходим к выводу, что, фактически, они не отражают ни того, ни другого.

Для измерения качества институтов исследователи, как правило, используют несколько групп переменных. Здесь мы рассмотрим три из них. Первая группа, впервые использовавшаяся в работах Knack, Keefer (1995) и Hall, Jones (1999), а позднее в работе Acemoglu, Johnson, and Robinson (2001), включает опросные показатели качества институциональной среды за период 1980-х и 1990-х гг., источником которых является «International Country Risk Guide». Вторая группа, которая использовалась в последней работе Rodrik, Subramanian, and Trebbi (2002), представляет собой агрегированный индекс оценок эффективности государства, полученных, как правило, в ходе опросов и собранных в работе Kaufmann, Kraay, and Mastruzzi (2003). Третья группа, источником которой является база данных проекта «Polity IV», собранных политологами (Jagers, Marshall (2000)), непосредственно отражает ограничения исполнительной власти.

Ниже рассматриваются эти показатели качества институтов. Мы хотели бы обратить внимание на три важных аспекта. Во-первых, все три группы данных отражают *итоговые результаты*, а не некоторые постоянные характеристики, на которые ссылается Норт. Как таковые, значения всех этих показателей 1) увеличиваются с ростом доходов на душу населения и 2) являются весьма изменчивыми. Указанные факты не согласуются с точкой зрения, что эти показатели отражают постоянные или хотя бы долговременные характеристики политической среды. Во-вторых, первые две группы показателей качества институтов определены таким образом, что страны, возглавляемые диктаторами, свободно делающими выбор в пользу проведения адекватной политики, получают такие же высокие оцен-

ки, что и государства, полномочия руководителей которых ограничены. Исследование данных переменных показывает, например, что страны, возглавляемые диктаторами, которые *отдают предпочтение* политике уважения прав собственности – например, СССР и Сингапур, – получают высокие оценки, что интерпретируется исследователями как наличие «хороших институтов». Даже если эти показатели и являются чрезвычайно полезными индикаторами политического выбора, они по определению не отражают ограничений и поэтому непригодны для анализа того, каким образом наличие определенных ограничений государства гарантирует защиту прав собственности. Целью переменных, собранных в рамках проекта «Polity IV», является рассмотрение политических ограничений, но мы показываем, что они также отражают результаты политики, а не долгосрочные ограничения.

В-третьих, данные показатели качества политических институтов, по всей видимости, не коррелируют с имеющимися показателями конституционных ограничений государства, установленных правилами проведения выборов или судами. Возможно, эти конституционные ограничения не имеют никакого значения, поскольку не вызывает сомнений тот факт, что «установленные правила» весьма существенно отличаются от фактических правил, определяющих ситуацию в стране. Но именно в этом и заключается суть дела: результаты функционирования институтов, используемые учеными в качестве показателей ограничений, практически не зависят от конституционных ограничений, что вызывает сомнения относительно эффективности изменения политических правил.

Начнем с данных «International Country Risk Guide». Указанные данные включают субъективные оценки риска иностранными инвесторами по таким направлениям, как закон и порядок, качество бюрократии, коррупция, риск экспроприации собственности государством и риск отказа государства от исполнения условий контрактов. Из всех трех групп показателей использование этих данных, вероятно, является наиболее проблематичным. Очевидно, они отражают то, что фактически произошло в стране, а не некоторые постоянные правила игры. Например, в 1984 г. в первую десятку стран с наименьшим риском экспроприации собственности входили Сингапур и СССР. Понятно, что в этих случаях данные отражают результаты выбора, сделанного диктаторами, а не наличие политических ограничений. Аналогичным образом данные говорят о неестественном снижении риска экспроприации собственности по прошествии времени. В период 1982–1997 гг. показатель Ирана увеличился с 1 (наибольший риск экспроприации собственности) до 9 (что близко к максимальному значению, равному 10), Ливии – с 1.5 до 9 и Сирии – с 1.5 до 9. Нам неизвестно о каких-либо существенных институциональных ограничениях руководства Ирана, Ливии и Сирии, хотя, безусловно, в последние несколько лет диктаторы в этих странах воздерживались от экспроприации собственности, и данные отражают последствия их выбора. В действительности, в соответствии с результатами интеллектуальной победы Ва-

шингтонского консенсуса, факты свидетельствуют о том, что среднее значение показателя риска экспроприации собственности в выборке увеличилось с 5 в 1982 г. до 9 (медианное значение равно 9.5) в 1997 г. Что бы ни отражал показатель риска экспроприации собственности, очевидно, что это не постоянные правила, процедуры или нормы, определяющие систему сдержек и противовесов верховной власти.

Ярко выраженный результирующий показатель представляет собой и «эффективность государства» из работы Kaufmann, Kraay, and Zoido-Labaton (2002). Авторы данной работы объединили большое количество субъективных показателей качества институтов за период с 1996 г. в широкий показатель эффективности государства. «В показателе эффективности государства нашли отражение восприятия качества обеспечения государственными услугами, качества бюрократии, уровня компетенции государственных служащих, степени их защиты от политического давления и доверие к проводимой государством политике» (Kaufmann, Kraay, and Zoido-Labaton (2002), 8). Очевидно, что все они отражают результаты *ex post*, тесно коррелирующие с уровнем экономического развития, а не наличие политических ограничений как таковых. Действительно, страна, имеющая наивысший в мире показатель, – это Сингапур, государство, известное своей однопартийной системой и политикой уважения частной собственности, выбранной данной партией.

С помощью данных проекта «Polity IV» можно попытаться всесторонне оценить политическую среду, а не выбор, который делают диктаторы. Показатель ограничений исполнительной власти отражает «наличие институционализированных ограничений полномочий руководства исполнительной власти по принятию решений в индивидуальном или коллегиальном порядке». Наибольшее значение данной переменной равно 7, наименьшее – 1. Богатые демократические страны, а также такие страны, как Ботсвана, Индия и Южно-Африканская Республика, как правило, имеют показатель, равный 7. Диктаторские страны, такие как Куба, Ирак, Северная Корея, а также Чили при Пиночете, имеют наихудший показатель, равный 1; коммунистические страны, такие как Китай и СССР, имеют средний показатель, равный 3. С помощью данной переменной трудно понять причины большего распространения бедности в Китае при Мао, чем в Чили при Пиночете, однако по крайней мере понятно, что с ее помощью можно попытаться изучить.

По мнению авторов, данная переменная призвана отражать систему сдержек и противовесов власти различных участников процесса принятия решений. Однако более пристальный взгляд на процедуру расчета данной переменной позволяет обнаружить, что она является результирующим показателем, отражающим результаты последних выборов, а не наличие ограничений. Когда результаты выборов в разных странах носят противоречивый характер, то их показатели существенно меняются. Например, Гаити имеет наихудший показатель, равный 1, в условиях диктатуры 1960–1989 гг., затем показатель резко увеличивается до 6 после избрания Арис-

тида в 1990 г., вновь возвращается к 1 после его свержения в 1991–1993 гг., опять увеличивается до 6 и даже до максимального значения, равного 7, в период 1994–1998 гг., когда Аристид и его партия вновь приходят ли к власти (несмотря на это, выборы были подвергнуты широкой критике), и в течение 2000–2001 гг. постепенно снижается до 3. Аналогичным образом, показатель Аргентины колеблется от наихудшего значения при правлении генералов до наилучших после проведения выборов, даже в условиях ограничения полномочий парламента и судов избранным руководством страны. Становится очевидным, что данные проекта «Polity IV» представляют собой быстро меняющуюся со временем оценку результатов выборов, а не показатель действительных политических ограничений государства и, несомненно, не показатель чего-либо постоянного или долговременного. Кроме того, в той степени, в какой в более богатых странах выборы, возможно, являются более справедливыми, «ограничения исполнительной власти» вполне могут оказаться результатом экономического развития, а не наоборот.

Аналогичным образом, показатель «демократия» из базы данных проекта «Polity IV» отражает степень, в которой на практике придерживаются «трех важных взаимосвязанных элементов». Эти элементы включают «наличие институтов и процедур, посредством которых граждане могут эффективно выражать свои предпочтения относительно альтернативных лидеров и политики, наличие институциональных ограничений полномочий руководства исполнительной власти (см. выше) и наличие гарантий гражданских свобод всех граждан в их повседневной жизнедеятельности и в ходе политического процесса». Несмотря на то что это определение предполагает некоторое постоянство, при расчете данной переменной, как и предыдущего показателя, используются самые последние данные.

В табл. 1 и 2 мы иллюстрируем тот факт, что даже переменные из базы данных проекта «Polity IV» отражают «результаты». В табл. 1 представлены средние отклонения пяти переменных по странам: автократии (из работы Alvarez et al. (2000), выполненной на основе базы данных проекта «Polity IV»), ограничений исполнительной власти (из базы данных проекта «Polity IV»), демократии (из базы данных проекта «Polity IV»), автократии (из базы данных проекта «Polity IV») и, для сравнения, предложенного Барро показателя продолжительности обучения в школе. Поскольку данные это позволяют, представлены оценки всех переменных за каждые пять лет в период между 1960 и 2000 гг. В целях упрощения сопоставления все наблюдения за отдельные годы нормированы таким образом, чтобы показатели принимали значения от 0 до 1. Табл. 1 показывает, что даже переменные из базы данных проекта «Polity IV» в два раза более изменчивы по сравнению с человеческим капиталом. Если постоянство является показателем глубины, то человеческий капитал является «более глубинным» фактором, чем институты.

Таблица 1

Нестабильность политических институтов и человеческий капитал

Ограничения исполнительной власти, 1960–2000 гг.	Polity IV		Alvarez et al.		Продолжительность обучения в школе, 1960–2000 гг.
	Демократия, 1960–2000 гг.	Автократия, 1960–2000 гг.	Автократия, 1960–1990 гг.	Автократия, 1960–1990 гг.	
18.53%	17.52%	19.36%	18.86%	10.33%	

Примечание. В таблице представлены средние страновые стандартные отклонения различных показателей качества политических институтов и человеческого капитала. Благодаря наличию данных мы используем показатели человеческого капитала (продолжительность обучения в школе) и переменные, собранные в рамках проекта «Polity IV», которые отражают качество политических институтов, за 1960, 1965, 1970, 1975, 1980, 1985, 1990, 1995 и 2000 гг. Мы используем переменную «автократия» из работы Alvarez et al. (2000) лишь за 1960, 1965, 1970, 1975, 1980, 1985 и 1990 гг., поскольку имеющиеся данные ограничиваются этими годами. Все переменные были нормированы с тем, чтобы принимать значения от 0 до 1. Определения всех переменных приведены в приложении.

Таблица 2

Стабильность политических институтов и человеческий капитал

	Зависимые переменные			
	Продолжительность обучения в школе, 2000 г.	Ограничения исполнительной власти, 2000 г.	Автократия – Polity IV, 2000 г.	Демократия, 2000 г.
Продолжительность обучения в школе, 1960 г.	1.7773 ^a (0.0885)			
Ограничения исполнительной власти, 1960 г.		0.2719 ^b (0.1246)		
Автократия – Polity IV, 1960 г.			0.1810 ^c (0.0926)	
Демократия, 1960 г.				0.3065 ^b (0.1341)
Наблюдения	50	50	50	50
R ²	0.73	0.09	0.07	0.10

Примечание. а – значимо на 1% уровне; b – значимо на 5% уровне; c – значимо на 10% уровне. В таблице представлены результаты регрессионного анализа на основе метода наименьших квадратов с использованием данных по странам. Спецификации включают константу, однако соответствующие оценки в таблице не указаны. Устойчивые стандартные ошибки даны в скобках. Определения всех переменных приведены в приложении.

В табл. 2 стабильность человеческого капитала и политики исследуется путем построения регрессий с использованием значений политических переменных за 2000 и 1960 гг. Мы обнаруживаем, что уровень образования является гораздо более стабильным по сравнению с показателями ограничений исполнительной власти из базы данных проекта «Polity IV». Масштаб эффекта возвращения к среднему значению показателей политических институтов ошеломляет, убеждая в том, что данные переменные едва ли могут быть использованы в качестве оценок «глубинных» или «постоянных» характеристик политической среды.

Тот факт, что используемые в литературе показатели качества институтов отражают результаты выбора (зачастую осуществляемого диктато-

рами), а не наличие ограничений, можно дополнительно проиллюстрировать путем исследования корреляций между этими переменными и показателями писаных конституционных правил. Мы рассматриваем четыре подобных показателя. Первые два базируются на работе Перссона и Табеллини по правилам проведения выборов (Persson, Tabellini (2003)), которые авторы рассматривают как одно из наиболее важных ограничений исполнительной власти. Мы используем одну такую переменную – «плюрализм», – которая равна единице, если законодатели избираются на основе правила «победитель получает все/первый, который считается избранным». Другим объективным показателем является «пропорциональное представительство», значение которого равно единице, если депутаты нижней и верхней палат парламента избираются на основе системы пропорционального представительства. Обе переменные почерпнуты из работы Beck et al. (2001). Кроме того, мы используем два показателя конституционных сдержек исполнительной власти, обеспечиваемых судебной системой, из работы La Porta et al. (2004). Первый показатель – это независимость судебных органов; он отражает возможность увольнения судей высшей инстанции. Вторым – конституционное рассмотрение, отражающий степень судебного рассмотрения нормативно-правовых актов. И вновь все они являются показателями конституционных политических правил, ограничивающих исполнительную власть.

В табл. 3 представлены коэффициенты корреляции между результирующими показателями, используемыми в литературе по экономическому росту и институтам, уровнем доходов на душу населения в 2000 г. и объективными институциональными правилами. Применительно к традиционным показателям качества институтов мы, так же как и в исследованиях по экономическому росту, используем средние значения, рассчитанные за различные периоды времени. Так, мы используем средние значения показателей ограничений исполнительной власти за 1960–2000 гг., риска экспроприации собственности за 1982–1997 гг., автократии за 1960–1990 гг. (из работы Alvarez et al. (2000)) и эффективности государства, рассчитанной на основе значений за 1996, 1998 и 2000 гг. Значения показателей независимости судебных органов и конституционного рассмотрения доступны только за один период времени (за 1995 г.), в то время как показатели плюрализма и пропорционального представительства являются средними значениями за период 1975–2000 гг.

Очевидны три вывода. Во-первых, традиционные индексы качества институтов тесно коррелируют друг с другом, а также с уровнем доходов на душу населения. Данный результат согласуется с точкой зрения, что институты положительно влияют на экономический рост, а также с обратной причинно-следственной связью. А именно, если результаты функционирования институтов улучшаются по мере того, как страна становится богаче, что, очевидно, и происходит, то оценки институтов в среднем и на конец периода будут выше в более богатых странах. Во-вторых, плюрализм и пропорциональное представительство – два показателя кон-

ституционных ограничений – коррелируют с уровнем доходов на душу населения (а также с субъективными показателями), однако коэффициенты корреляции значительно меньше по сравнению с коэффициентами для традиционных индексов. В-третьих, показатели судебных сдержек и противовесов – независимость судебных органов и конституционное рассмотрение – не коррелируют с уровнем доходов на душу населения, и лишь показатель независимости судебных органов слабо коррелирует с результирующими индексами. Слабая корреляция может означать, что показатели конституционных ограничений не имеют существенного значения, или что связь между «институтами» и экономическим развитием обусловлена тем, что институты лучше функционируют в более богатых странах, а не наличием политических правил, способствующих созданию богатства.

Таблица 3

Корреляции показателей качества институтов

	Логарифм ВВП на душу населения, 2000 г.	Ограничения исполнительной власти, 1960–2000 гг.	Риск экспроприации собственности, 1982–1997 гг.	Автократия – Alvarez et al., 1960–1990 гг.	Эффективность государства, 1998–2000 гг.	Независимость судебных органов, 1995 г.	Конституционное рассмотрение, 1995 г.	Плюрализм, 1975–2000 гг.
Ограничения исполнительной власти, 1960–2000 гг.	0.7119 ^a							
Риск экспроприации собственности, 1982–1997 гг.	0.7906 ^a	0.6378 ^a						
Автократия – Alvarez et al., 1960–1990 гг.	–0.7388 ^a	–0.8567 ^a	–0.6864 ^a					
Эффективность государства, 1998–2000 гг.	0.7860 ^a	0.6349 ^a	0.8297 ^a	–0.5908 ^a				
Независимость судебных органов, 1995 г.	0.0279	0.3465 ^a	0.2629 ^b	–0.1907	0.3006 ^b			
Конституционное рассмотрение, 1995 г.	–0.0649	0.1904	0.1189	–0.0278	0.0482	0.2243 ^c		
Плюрализм, 1975–2000 гг.	–0.2620 ^a	–0.3570 ^a	–0.1918 ^b	0.2472 ^a	–0.2044 ^a	–0.0992	0.0040	
Пропорциональное представительство, 1975–2000 гг.	0.2947 ^a	0.3158 ^a	0.2172 ^b	–0.2151 ^b	0.2052 ^b	–0.1684	0.1284	–0.6118 ^a

Примечание. а – значимо на 1% уровне; b – значимо на 5% уровне; с – значимо на 10% уровне.

Основной вывод данного раздела заключается в том, что широко используемые показатели качества институтов не могут помочь установить причинно-следственную связь. Эти показатели, по определению, не отражают ни ограничения государства, ни постоянные характеристики политической среды. Напротив, они являются весьма изменчивыми, и для них характерен эффект возвращения к среднему значению. Они практически не коррелируют с имеющимися объективными показателями конституционных ограничений государства. Несмотря на это, именно эти переменные используются для того, чтобы показать, что институты являются причиной экономического роста.

3. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ

В табл. 4 представлены результаты стандартного регрессионного анализа экономического роста на основе метода наименьших квадратов с использованием различных показателей качества политических институтов, рассмотренных нами выше. Как и при построении табл. 3, мы используем средние значения оцененных показателей качества институтов за определенный период времени, что является распространенным научным подходом. В табл. 4 зависимой переменной являются темпы роста доходов на душу населения в период 1960–2000 гг., а независимыми переменными – исходный уровень доходов на душу населения (показатель, предложенный в работе Варго (1991)), исходный уровень образования, удельный вес населения страны, проживающего в зоне умеренного климата, а также восемь институциональных переменных, рассматриваемых по отдельности. Полученные результаты подтверждают ставший стандартным вывод о существовании конвергенции, а также благотворное влияние умеренного климата.

Таблица 4

Экономический рост, политические институты и человеческий капитал

	Зависимая переменная – темпы роста ВВП на душу населения, 1960–2000 гг.									
Логарифм ВВП на душу населения, 1960 г.	-0.0114 ^a (0.0033)	-0.0136 ^a (0.0033)	-0.0112 ^a (0.0033)	-0.0122 ^a (0.0033)	-0.0141 ^a (0.0037)	-0.0130 ^a (0.0037)	-0.0090 ^a (0.0034)	-0.0105 ^a (0.0036)		
Продолжительность обучения в школе, 1960 г.	0.0060 ^b (0.0025)	0.0076 ^a (0.0024)	0.0063 ^b (0.0024)	0.0060 ^b (0.0023)	0.0077 ^b (0.0032)	0.0073 ^b (0.0031)	0.0073 ^a (0.0025)	0.0080 ^a (0.0026)		
Удельный вес населения, проживающего в зоне умеренного климата, 1995 г.	0.0175 ^a (0.0049)	0.0132 ^a (0.0041)	0.0179 ^a (0.0046)	0.0104 ^c (0.0055)	0.0242 ^a (0.0049)	0.0231 ^a (0.0047)	0.0175 ^a (0.0050)	0.0184 ^a (0.0052)		
Ограничения исполнительной власти, 1960–2000 гг.	0.0021 ^b (0.0008)									
Риск экспроприации собственности, 1982–1997 гг.		0.0040 ^a (0.0014)								
Автократия – Alvarez et al., 1960–1990 гг.			-0.0060 ^c (0.0032)							
Эффективность государства, 1998–2000 гг.				0.0075 ^a (0.0024)						
Независимость судебных органов, 1995 г.					-0.0041 (0.0057)					
Конституционное рассмотрение, 1995 г.						0.0047 (0.0064)				
Плюрализм, 1975–2000 гг.							0.0010 (0.0027)			
Пропорциональное представительство, 1975–2000 гг.								0.0019 (0.0031)		
Наблюдения	71	69	71	71	54	54	71	70		
R ²	0.44	0.56	0.44	0.48	0.45	0.45	0.41	0.44		

Примечание. а – значимо на 1% уровне; b – значимо на 5% уровне; с – значимо на 10% уровне. В таблице представлены результаты регрессионного анализа на основе метода наименьших квадратов с использованием данных по странам. Во всех спецификациях зависимой переменной являются темпы роста ВВП на душу населения за период 1960–2000 гг. Спецификации включают константу, однако соответствующие оценки в таблице не указаны. Устойчивые стандартные ошибки даны в скобках. Определения всех переменных приведены в приложении.

Результаты также показывают, что исходный уровень образования в значительной степени объясняет последующий экономический рост. Одна из интерпретаций данного результата служит поддержкой тех теорий экономического роста, в которых человеческий капитал порождает существенные технологические внешние эффекты (например, Lucas (1988)). Однако в работе Pritchett (2000) обобщены факты, указывающие на то, что в развивающихся странах экономическая отдача от образования весьма невысока. Альтернативная интерпретация следует логике рассуждений Липсета (Lipset (1960)): человеческий капитал повышает эффективность политики, уменьшает насилие и укрепляет политическую стабильность. Основным внешним эффектом человеческого капитала носит не технологический, а политический характер: на смену использованию оружия приходят суды и законодательные органы. Эти усовершенствования, в свою очередь, способствуют более надежной защите прав собственности и экономическому росту. Данная интерпретация соответствует фактам, представленным в работе Alesina et al. (1996) и свидетельствующим о том, что политическая стабильность ведет к экономическому росту, а также многим другим выводам, которые рассматриваются ниже.

И, наконец, факты указывают на сильную корреляцию между экономическим ростом в определенный период времени и средними значениями оцененных показателей качества институтов за данный период, в том числе показателей ограничений исполнительной власти, риска экспроприации собственности, эффективности государства и автократии. В отличие от этого, корреляция между экономическим ростом и показателями конституционных институтов, такими как независимость судебных органов, конституционное рассмотрение, плюрализм и пропорциональное представительство, отсутствует. Поражает контраст между переменными, отражающими результаты функционирования институтов, которые используются в литературе по экономическому росту, и показателями конституционных ограничений государства.

Одна из причин того, почему *средние* значения оцененных показателей качества институтов имеют существенное значение в регрессиях, объясняющих экономический рост, заключается в том, что эти оценки улучшаются по мере того, как страна становится богаче, так что причина и следствие меняются местами. Отметим, что в отличие от этого в регрессиях экономического роста используются, как правило, исходные значения показателя уровня образования. Чтобы в дальнейшем оценить эту возможность, в табл. 5 и 6 представлен ряд регрессий, объясняющих экономический рост, в которых независимой переменной являются ограничения исполнительной власти по состоянию на начало периода. Мы акцентируем внимание на ограничениях исполнительной власти, поскольку это единственный показатель, который со всей очевидностью не является следствием выбора диктатора, и, следовательно, даже если он и отражает результаты выборов, его можно, по крайней мере приблизительно, отнести к ограничениям государства.

Таблица 5

**Экономический рост, исходные ограничения исполнительной власти
и первоначальный человеческий капитал**

Панель А: Зависимые переменные – темпы роста ВВП на душу населения за каждое десятилетие 1960–2000 гг. и за весь период в целом					
	1960–1970 гг.	1970–1980 гг.	1980–1990 гг.	1990–2000 гг.	1960–2000 гг.
Удельный вес населения, проживающего в зоне умеренного климата, 1995 г.	0.0290 ^a (0.0076)	0.0225 ^a (0.0070)	0.0294 ^a (0.0084)	0.0085 (0.0073)	0.0253 ^a (0.0039)
Логарифм исходного уровня ВВП на душу населения	-0.0059 (0.0045)	-0.0032 (0.0043)	-0.0079 ^b (0.0036)	0.0021 (0.0037)	-0.0079 ^a (0.0025)
Исходные ограничения исполнительной власти	0.0008 (0.0013)	-0.0004 (0.0014)	0.0027 ^b (0.0012)	0.0006 (0.0016)	0.0013 (0.0009)
Наблюдения	77	99	102	95	72
R ²	0.17	0.06	0.19	0.06	0.34
Панель В: Зависимые переменные – темпы роста ВВП на душу населения за каждое десятилетие 1960–2000 гг. и за весь период в целом					
	1960–1970 гг.	1970–1980 гг.	1980–1990 гг.	1990–2000 гг.	1960–2000 гг.
Удельный вес населения, проживающего в зоне умеренного климата, 1995 г.	0.0136 ^b (0.0066)	0.0204 ^a (0.0068)	0.0220 ^a (0.0082)	0.0123 ^c (0.0073)	0.0175 ^a (0.0049)
Логарифм исходного уровня ВВП на душу населения	-0.0027 (0.0040)	-0.0158 ^a (0.0044)	-0.0103 ^b (0.0048)	-0.0048 (0.0048)	-0.0092 ^a (0.0034)
Логарифм первоначальной продолжительности обучения в школе	0.0075 ^b (0.0033)	0.0147 ^a (0.0035)	0.0114 ^a (0.0043)	0.0102 ^c (0.0060)	0.0073 ^a (0.0024)
Наблюдения	79	86	90	82	71
R ²	0.22	0.24	0.16	0.09	0.38
Панель С: Зависимые переменные – темпы роста ВВП на душу населения за каждое десятилетие 1960–2000 гг. и за весь период в целом					
	1960–1970 гг.	1970–1980 гг.	1980–1990 гг.	1990–2000 гг.	1960–2000 гг.
Удельный вес населения, проживающего в зоне умеренного климата, 1995 г.	0.0270 ^a (0.0085)	0.0191 ^a (0.0070)	0.0218 ^a (0.0082)	0.0135 ^c (0.0077)	0.0255 ^a (0.0048)
Логарифм исходного уровня ВВП на душу населения	-0.0141 ^a (0.0048)	-0.0130 ^b (0.0057)	-0.0146 ^a (0.0045)	-0.0073 (0.0055)	-0.0189 ^a (0.0034)
Исходные ограничения исполнительной власти	-0.0004 (0.0012)	-0.0017 (0.0016)	0.0031 ^b (0.0013)	0.0014 (0.0015)	0.0008 (0.0008)
Логарифм первоначальной продолжительности обучения в школе	0.0116 ^a (0.0035)	0.0140 ^a (0.0035)	0.0105 ^b (0.0043)	0.0104 ^c (0.0060)	0.0096 ^a (0.0028)
Наблюдения	61	80	86	81	57
R ²	0.33	0.20	0.20	0.09	0.55

Примечание. а – значимо на 1% уровне; b – значимо на 5% уровне; c – значимо на 10% уровне. В таблице представлены результаты регрессионного анализа на основе метода наименьших квадратов с использованием данных по странам. Зависимыми переменными являются темпы роста ВВП на душу населения за каждое десятилетие 1960–2000 гг. и за весь период в целом. Спецификации включают константу, однако соответствующие оценки в таблице не указаны. Устойчивые стандартные ошибки даны в скобках. Определения всех переменных приведены в приложении.

В табл. 5 представлены результаты регрессионного анализа зависимости десятилетних темпов экономического роста начиная с 1960 г. от таких

независимых переменных, как исходная продолжительность образования, исходный уровень доходов на душу населения и исходные ограничения исполнительной власти. В ней также представлены результаты аналогичного регрессионного анализа за весь период 1960–2000 гг. (Мы также получили весьма схожие результаты для двадцатилетних временных интервалов, однако здесь они не приводятся.) Табл. 5 показывает, что даже в спецификациях на основе метода наименьших квадратов исходные ограничения исполнительной власти не позволяют объяснить экономический рост после 1980-х гг., тогда как исходный человеческий капитал четко на него указывает. Данные результаты усиливают подозрения в существовании обратной причинно-следственной связи при использовании в спецификациях экономического роста средних для выборки значений показателей результатов функционирования институтов.

Таблица 6

**Долгосрочный экономический рост, исходные ограничения
исполнительной власти и первоначальный человеческий капитал**

Панель А: Зависимые переменные – темпы роста ВВП на душу населения за каждый период			
	1870–1950 гг.	1890–1950 гг.	1900–1950 гг.
Логарифм исходного уровня ВВП на душу населения	0.0027 (0.0022)	0.0050 ^b (0.0022)	–0.0019 (0.0038)
Исходные ограничения исполнительной власти	–0.0001 (0.0005)	0.0002 (0.0004)	0.0006 (0.0006)
Наблюдения	29	27	31
R ²	0.06	0.26	0.02
Панель В: Зависимые переменные – темпы роста ВВП на душу населения за каждый период			
	1870–1950 гг.	1890–1950 гг.	1900–1950 гг.
Логарифм исходного уровня ВВП на душу населения	–0.0076 ^a (0.0013)	–0.0028 (0.0025)	–0.0011 (0.0037)
Исходные ограничения исполнительной власти	–0.0001 (0.0002)	–0.0002 (0.0005)	0.0002 (0.0006)
Удельный вес учащих начальных классов, 1870 г.	0.0206 ^a (0.0030)		
Удельный вес учащих начальных классов, 1890 г.		0.0127 ^b (0.0056)	
Удельный вес учащих начальных классов, 1900 г.			0.0067 (0.0066)
Наблюдения	16	23	27
R ²	0.73	0.21	0.08

Примечание. а – значимо на 1% уровне; b – значимо на 5% уровне; с – значимо на 10% уровне. В таблице представлены результаты регрессионного анализа на основе метода наименьших квадратов с использованием данных по странам. Зависимыми переменными являются темпы роста ВВП на душу населения за каждый период. Спецификации включают константу, однако соответствующие оценки в таблице не указаны. Устойчивые стандартные ошибки даны в скобках. Определения всех переменных приведены в приложении.

При построении табл. 6 мы воспользовались тем фактом, что данные об ограничениях исполнительной власти имеются по небольшому количеству стран за период с середины XIX столетия, так же как и данные об экономическом росте, источником которых является работа Maddison (2003).

Кроме того, мы располагаем некоторыми данными относительно удельного веса учащихся начальных классов за период с 1870 г., источником которых является работа Lindert (2001). Для этих небольших выборок мы можем построить регрессии, отражающие зависимость долгосрочного экономического роста от исходных ограничений исполнительной власти, исходного уровня доходов и исходного удельного веса учащихся. И снова фактов, свидетельствующих о том, что ограничения исполнительной власти влияют на экономический рост, нет, но есть определенные факты, что такое влияние оказывает человеческий капитал.

Представленные в данных таблицах сведения о взаимосвязи между институтами и экономическим ростом не устраняют наши сомнения в существовании причинно-следственной связи. Тем не менее сторонники институционального подхода могут сказать, что средний политический исход за определенный период времени является хорошим показателем наличия долговременных ограничений. Если институты отражают «глубинные» характеристики среды, то даже в том случае, если ограничения исполнительной власти указывают на справедливость последних выборов, средний показатель подобных ограничений за определенный период времени является хорошим показателем, отражающим наличие «постоянных» или «долговременных» ограничений. Тогда в регрессиях экономического роста должны использоваться именно средние, а не исходные показатели. Кроме того, человеческий капитал, не являющийся столь «глубинным» фактором, как средний показатель результатов функционирования институтов, просто не должен присутствовать в регрессиях.

В свете полученных нами результатов данный аргумент выглядит неубедительно. Во-первых, тот факт, что даже показатели институтов из базы данных проекта «Polity IV» являются более изменчивыми и для них в большей степени свойствен эффект возвращения к среднему значению по сравнению с показателем продолжительности обучения в школе, вызывает серьезные сомнения относительно того, что эти переменные, даже усредненные, отражают нечто более стабильное, чем человеческий капитал. Во-вторых, данный аргумент не учитывает реальную возможность наличия обратной причинно-следственной связи, и тот факт, что исходные показатели качества политических институтов, практически для любой выборки, по всей видимости, вообще не позволяют объяснить экономический рост. В действительности, даже если мы последуем рекомендации о необходимости усреднения показателя ограничений исполнительной власти и построим регрессию, отражающую зависимость десятилетних темпов экономического роста от среднего показателя ограничений исполнительной власти за *предшествующее* десятилетие, эти средние показатели не позволят нам прогнозировать последующий экономический рост. Подобные выводы весьма схожи с выводами, сделанными на основе табл. 5. Само по себе усреднение, без регрессионного анализа зависимости экономического роста от *современного* среднего качества институциональной среды, не говорит о том, что качество институтов объясняет экономичес-

кий рост. В-третьих, отсутствие корреляции даже между средними результирующими показателями и конституционными ограничениями государства по-прежнему вызывает сомнение, что измеряются какие-либо глубинные факторы. В общем, несмотря на то что институты могут отражать некоторые «глубинные» факторы (хотя и необязательно), было бы неверно полагать, что переменные, используемые в стандартных регрессиях экономического роста, отражают какие-либо «глубинные» факторы.

Что мы узнали на основе данного анализа? Для нас основным выводом является то, что по крайней мере в рамках регрессионного анализа на основе метода наименьших квадратов отсутствуют какие-либо свидетельства того, что институты являются причиной экономического роста, а не экономический рост ведет к улучшению качества институтов. Объективные показатели качества институтов, те, которые действительно описывают *конституционные правила*, ограничивающие верховную власть, не позволяют объяснить увеличение уровня доходов на душу населения. Этого не позволяет сделать даже показатель исходных ограничений исполнительной власти. В отличие от этого, политические переменные, коррелирующие с уровнем экономического развития, по определению, сами являются результатом экономического развития. Результаты регрессионного анализа на основе метода наименьших квадратов с использованием данных по странам за 1960–2000 гг. не подтверждают справедливость утверждения, что «институты являются причиной экономического роста».

4. ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ В БЕДНЫХ СТРАНАХ ПОСЛЕ 1960 ГОДА

Регрессии являются лишь одним из способов оценки воздействия институтов на экономический рост. Другой способ заключается в том, чтобы рассмотреть человеческий капитал и политические институты для выборки бедных стран, составленной на основе данных за 1960 г. С этой целью мы делим нашу выборку стран 1960 г. на те, которые имеют небольшой человеческий капитал (общее количество лет обучения в школе на душу населения меньше медианного значения, равного 2.68), средний человеческий капитал (общее количество лет обучения в школе на душу населения составляет от 2.68 до 5.01 лет) и большой человеческий капитал (продолжительность обучения в школе превышает 75-процентильное значение, равное 5.0115 годам на душу населения). Кроме того, мы делим данную выборку на четыре группы стран с разными политическими режимами исходя из среднего показателя демократии за 1960–2000 гг., источником которого является база данных проекта «Polity IV»: автократии (страны со средним показателем меньше 2), стабильные демократии (страны со средним показателем, равным 10) и две промежуточные группы – несовершенные автократии (средний показатель в интервале от 2 до 7) и несовершенные демократии (средний показатель в интервале от 7 до 10). К автократиям относятся такие страны, как Саудовская Аравия, Вьетнам

и Йемен. Стабильные демократии включают все традиционные развитые страны (кроме того, в данную группу входит Коста-Рика, но не входит Франция).

В табл. 7 представлено число наблюдений для каждой из 12 ячеек с использованием двух разных классификаций. Практически все страны с высоко образованным населением имеют стабильную демократию (показатель равен 10) и практически все страны со стабильной демократией имеют высоко образованное население. (Две страны со стабильной демократией и средним человеческим капиталом – это Италия и Коста-Рика.) Напротив, практически все страны с диктатурой имеют плохо образованное население; странами с диктатурой и средним человеческим капиталом являются Парагвай, Сингапур и Тайвань. Иначе говоря, в наименее образованных странах всегда отсутствует стабильная демократия; в наиболее образованных странах, как правило, имеет место стабильная, а иногда несовершенная демократия. В последние сорок лет политика была гораздо более эффективной в странах с хорошим уровнем образования по сравнению со странами, где уровень образования низкий, что соответствует взглядам Липсета.

Таблица 7

Политические режимы и человеческий капитал

Продолжительность обучения в школе, 1960 г.	Демократия = 10	10 > демократия > 7	7 ≥ демократия > 2	Демократия ≤ 2	Все страны
Низкая (продолжительность обучения в школе < 2.6785 лет)	0	6	8	28	42
Средняя (2.6785 лет ≤ продолжительность обучения в школе ≤ 5.0115 лет)	2	5	14	3	24
Высокая (продолжительность обучения в школе > 5.0115 лет)	17	3	3	0	23
Всего	19	14	25	31	89

Примечание. В таблице представлено распределение стран в соответствии с продолжительностью обучения в школе в 1960 г. и политическим режимом. Классификация политических режимов основана на среднем значении показателя демократии за 1960–2000 гг., источником которого является база данных проекта «Polity IV». Мы делим выборку на страны, которые имеют небольшой человеческий капитал (продолжительность обучения в школе меньше медианного значения для выборки, равного 2.6785 годам), средний человеческий капитал (продолжительность обучения в школе больше либо равна 2.6785 годам и меньше либо равна 5.0115 годам) и большой человеческий капитал (продолжительность обучения в школе превышает 75-процентильное значение для выборки, равное 5.0115 годам). Таблица показывает число стран, относящихся к каждой группе. Две страны со стабильной демократией, в которых продолжительность обучения в школе средняя, – это Италия и Коста-Рика. Три авторитарные страны, в которых продолжительность обучения в школе средняя, – это Сингапур, Тайвань и Парагвай. Определения всех переменных приведены в приложении.

Находят ли отражение все эти различия в уровне образования населения отдельных стран в темпах экономического роста? В табл. 8 представлены данные относительно средних темпов экономического роста для разных групп стран. В период 1960–2000 гг. темпы экономического роста в

странах с большим человеческим капиталом по состоянию на 1960 г. были, в среднем, в два раза выше, чем в странах с небольшим человеческим капиталом. Страны со стабильной демократией «росли» несколько более высокими темпами по сравнению со странами, где демократия была несовершенной, и, в среднем, значительно более высокими темпами по сравнению с диктатурами, однако это, безусловно, может отражать лишь влияние человеческого капитала. Кроме того, в табл. 8 приведен разброс темпов экономического роста для различных групп стран. Таблица показывает больший разброс темпов экономического роста среди автократических стран по сравнению с демократическими и среди стран с плохо образованным населением по сравнению с теми, где население имеет хорошее образование.

Таблица 8

Темпы экономического роста и политические режимы

Продолжительность обучения в школе, 1960 г.	Демократия = 10	10 > демократия > 7	7 ≥ демократия > 2	Демократия ≤ 2	Все страны
Панель А: Число наблюдений					
Низкая (продолжительность обучения в школе < 2.6785 лет)	6	17	22	87	132
Средняя (2.6785 лет ≤ продолжительность обучения в школе ≤ 5.0115 лет)	9	21	26	35	91
Высокая (продолжительность обучения в школе > 5.0115 лет)	67	10	3	7	87
Всего	82	48	51	129	310
Панель В: Средние страновые десятилетние темпы экономического роста					
Низкая (продолжительность обучения в школе < 2.6785 лет)	0.0036	0.0292	0.0185	0.0076	0.0120
Средняя (2.6785 лет ≤ продолжительность обучения в школе ≤ 5.0115 лет)	0.0225	0.0224	0.0271	0.0273	0.0256
Высокая (продолжительность обучения в школе > 5.0115 лет)	0.0257	0.0212	0.0235	0.0204	0.0247
Всего	0.0238	0.0246	0.0232	0.0136	0.0196
Панель С: Среднее стандартное отклонение десятилетних темпов экономического роста по странам					
Низкая (продолжительность обучения в школе < 2.6785 лет)	0.0168	0.0298	0.0224	0.0303	0.0294
Средняя (2.6785 лет ≤ продолжительность обучения в школе ≤ 5.0115 лет)	0.0161	0.0197	0.0206	0.0317	0.0247
Высокая (продолжительность обучения в школе > 5.0115 лет)	0.0137	0.0122	0.0078	0.0250	0.0144
Всего	0.0151	0.0225	0.0210	0.0315	0.0254

Примечание. Таблица основана на данных по выборке стран, представленных в табл. 7. Таблица показывает число наблюдений для каждой группы стран, средние страновые десятилетние темпы роста ВВП на душу населения и среднее стандартное отклонение десятилетних темпов роста ВВП на душу населения по странам. Значение показателя демократии рассчитывается на начало каждого десятилетия на основе данных за предшествующие десять лет. Темпы экономического роста измеряются на начало каждого десятилетия на основе данных за последующие десять лет. Определения всех переменных приведены в приложении.

Факты, представленные в табл. 7 и 8, служат еще одним основанием для скептицизма относительно главенствующей роли политических огра-

ничений в экономическом развитии: несмотря на то что практически во всех бедных странах в 1960 г. имела место диктатура, некоторые из них сумели преодолеть бедность, тогда как другим этого сделать не удалось. Подобные факты говорят по меньшей мере о том, что именно выбор, сделанный диктаторами, а не ограничения их полномочий, позволил некоторым бедным странам избавиться от бедности. Стабильная демократия со всеми эффективными конституционными ограничениями исполнительной власти – это неподходящий выбор для бедной страны, и если более вероятной политической линией является диктатура, важно понять, какие факторы способствуют ее успеху.

Данное предположение получает дальнейшее подтверждение благодаря простой характеристике тех, кто в действительности руководит странами с наименее образованным населением в течение определенного периода времени. При построении табл. 9 мы, как и прежде, продолжаем выделять страны, имеющие небольшой и средний человеческий капитал. Затем для каждого года мы классифицируем руководство страны в соответствии с двумя показателями. Мы придерживаемся классификации демократических и автократических лидеров, предложенной в работе Alvarez et al. (2000). Кроме того, мы группируем руководство по продолжительности срока пребывания у власти. Таблица показывает продолжительность руководства странами из нашей выборки демократическими и автократическими лидерами с разными сроками властных полномочий.

В подавляющем большинстве случаев во главе стран с наименее образованным населением в течение длительного периода времени находились диктаторы. В течение 66% времени в рамках рассмотренного нами периода этими странами руководили автократические лидеры, которые, в конечном счете, находились у власти по меньшей мере пять лет. В течение 50% времени в рамках рассмотренного нами периода этими странами руководили автократы, которые, в конечном счете, находились у власти по меньшей мере десять лет. В отличие от этого, лишь 6% времени во главе стран с наименее образованным населением находились демократические лидеры, срок пребывания у власти которых не превышал пяти лет, и лишь 13% времени их возглавляли демократически избранные лидеры, находившиеся у власти более десяти лет. В странах с достаточно образованным населением ситуация более разнообразна. Около 43% времени эти страны возглавляли демократически избранные лидеры. 32% времени – демократические лидеры, находившиеся у власти от двух до десяти лет. С другой стороны, диктаторы со сроком полномочий свыше пяти лет находились во главе этих стран в течение 44% времени в рамках рассмотренного нами периода. Тем не менее страны, где диктатура имеет место более десяти лет, по-прежнему образуют самую большую отдельную группу (32% времени).

Данные факты весьма красноречивы. В то же время они говорят о том, что, с точки зрения объяснения причин ликвидации бедности в разных странах, не следует делать акцент на необходимости начинать рефор-

мы с введения ограничений государства. Более продуктивным может стать акцент на накоплении факторов производства, в том числе на увеличении человеческого капитала.

Таблица 9

Период времени, проведенного при различных политических режимах

	Небольшой человеческий капитал (продолжительность обучения в школе < 2.6785 лет)	Средний человеческий капитал (2.6785 лет ≤ продолжительность обучения в школе ≤ 5.0115 лет)
	Период времени	Период времени
Срок пребывания у власти руководителя страны < 2 лет		
Автократический режим	1.62%	1.90%
Демократический режим	0.52%	2.45%
Срок пребывания у власти руководителя страны ≥ 2 лет, но < 5 лет		
Автократический режим	10.93%	10.28%
Демократический режим	5.25%	18.30%
Срок пребывания у власти руководителя страны ≥ 5 лет, но < 10 лет		
Автократический режим	16.32%	11.83%
Демократический режим	7.32%	14.32%
Срок пребывания у власти руководителя страны ≥ 10 лет		
Автократический режим	49.80%	32.33%
Демократический режим	6.15%	8.58%

Примечание. В таблице представлены данные о средней продолжительности существования в странах автократического или демократического режима в течение 1960–1990 гг. Выборка включает только те страны, где продолжительность обучения в школе в 1960 г. не превышала 5.0115 лет (страны с небольшим и средним человеческим капиталом). Деление политических режимов на автократические и демократические произведено на основе данных из работы Alvarez et al. (2000). Для каждого типа политического режима мы делим выборку на четыре части в зависимости от срока пребывания у власти руководителя страны. Определения всех переменных приведены в приложении.

5. ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕННЫЕ

С самого начала исследователи экономического роста и институтов признавали тот факт, что экономический рост сам по себе способствует улучшению качества институтов. Один из способов подтверждения данного факта, который они применяли, заключается в использовании инструментальных переменных. Это было рассмотрено уже в работе Mauro (1995), где в качестве показателя коррупции использовалась такая инструментальная переменная, как этнолингвистическое деление населения. В работе Hall, Jones (1999) используются показатели качества институтов, источником которых является «International Country Risk Guide», однако инструментальной переменной является «расстояние от экватора и степень, в которой в настоящее время используются основные западноевропейские языки» (Hall, Jones (1999), 110). Исследователи пытались также воспользоваться тем фактом, что европейская экспансия повлияла на ситуацию в странах, которые были захвачены и колонизированы. Ла Порта

и его коллеги в своих работах (La Porta et al. (1997; 1998; 1999)) воспользовались опытом колониальных стран, рассматривая трансплантацию законов. Авторы полагают, что европейцы переносили свои правовые системы в захваченные или колонизированные ими страны, и поэтому происхождение права можно использовать в качестве инструментальной переменной, отражающей структуру различных законов.

Впоследствии данное направление исследований получило дополнительный импульс с появлением двух новых работ Асемоглу, Джонсона и Робинсона (Acemoglu, Johnson, and Robinson (2001; 2002)). Данные авторы утверждают, что основным фактором, объясняющим политические институты каждой страны, являются не привнесенные европейцами законы, а то, селились ли они сами в определенных колониях. В работе Acemoglu, Johnson, and Robinson (2001) утверждается, что решение о целесообразности поселения принималось исходя из уровня смертности европейских поселенцев в колонизированных странах. Когда европейцы основывали поселения, они привносили туда эффективные европейские институты, ограничивающие исполнительную власть, в противном случае они институционализировали систему произвола и экспроприации в отношении местного населения. Далее в работе Acemoglu, Johnson, and Robinson (2002) показано, что плотность неевропейского населения в перспективных колониях определяла характер европейских поселений. Если определенный регион был плотно заселен (или урбанизирован) местным населением, то европейцы сами там не селились, а вводили институты, способствующие эксплуатации. В зонах с низкой плотностью населения они основывали поселения и привносили свои институциональные ограничения государства, тем самым способствуя долгосрочному экономическому росту. Следуя подобной логике, в работах Acemoglu, Johnson, and Robinson (2001; 2002) утверждается, что и уровень смертности поселенцев, и плотность коренного населения в 1500 г. могут быть использованы в качестве инструментальных переменных, характеризующих современные политические институты, ограничивающие исполнительную власть.

Работы Асемоглу, Джонсона и Робинсона вдохнули новую жизнь в исследования институтов и экономического роста. Ниже рассматриваются их работы. Однако для начала следует отметить, что даже если согласиться с тем, что риск смерти или плотность коренного населения влияли на решения европейцев о поселении, далеко не очевидно, что при основании поселений европейцы привносили именно институциональные ограничения государства. По меньшей мере столь же правдоподобным выглядит то, что они привносили самих себя и, следовательно, свои ноу-хау и человеческий капитал. (Теоретическое обоснование данной интерпретации влияния уровня смертности поселенцев дано в работе Djankov et al. (2003).) Если это действительно так, то на основе характера европейских поселений на чисто концептуальном уровне мы не можем сделать вывод, что трансплантированными активами являлись именно институты. Если данную идею сформулировать на языке эконометрики, то действительные

инструментальные переменные не должны коррелировать с ошибкой спецификации, и если характер поселений воздействует на экономический рост не через институты, а посредством иных каналов, то он не является действительной инструментальной переменной. Как будет показано ниже, данное наблюдение имеет существенное значение при интерпретации результатов регрессионного анализа влияния институтов на экономический рост с помощью инструментальных переменных.

Корреляция между предложенными Асемоглу, Джонсоном и Робинсоном инструментальными переменными и выбранными показателями качества институтов действительно является очень высокой. Например, коэффициент корреляции логарифма уровня смертности поселенцев со средним значением показателя ограничений исполнительной власти равен -0.54 , средним риском экспроприации собственности равен -0.51 , тогда как коэффициент корреляции логарифма плотности населения в 1500 г. с этими же показателями качества институтов составляет -0.35 и -0.40 соответственно.

Но действительны ли предложенные Асемоглу, Джонсоном и Робинсоном инструментальные переменные? У нас имеется несколько вопросов, некоторые уже обсуждались в литературе, а другие являются новыми и, возможно, более важными. Во-первых, уровень смертности поселенцев, по сути, не коррелирует с показателями конституционных сдержек и противовесов, которые были рассмотрены во втором разделе, а логарифм плотности населения в 1500 г. лишь очень слабо коррелирует с показателями плюрализма и пропорционального представительства. Если европейцы действительно приносили свои институты, ограничивающие государство, то следовало бы ожидать, что данное влияние найдет отражение в «правилах и процедурах», однако эмпирические данные на это не указывают. Кроме того, в свете имеющихся фактов удивительно, что колониальная трансплантация правовых традиций – основных правил и процедур их закрепления – играла главенствующую роль при создании правовой и регулирующих систем стран-реципиентов. Почему влияние колоний на правила и процедуры будет столь сильным в одном случае и слабым в другом?

Во-вторых, важным элементом логики рассуждения Асемоглу, Джонсона и Робинсона является то, что уровень смертности поселенцев отражает прежнюю политику поселения и ее современные последствия. Тем не менее инструментальные переменные, по всей видимости, коррелируют также с современным состоянием заболеваемости. Джеффри Сакс и его коллеги (Gallup et al. (2001); Kiszewski et al. (2004)) приводят данные о сегодняшнем риске заболевания малярией и среде, благоприятствующей ее распространению. Коэффициент корреляции логарифма уровня смертности поселенцев с риском заболевания малярией равен 0.67 , а с показателем среды, благоприятствующей распространению малярии, – 0.66 . Однако коэффициент корреляции логарифма плотности населения в 1500 г. с риском заболевания малярией равен 0.38 и лишь 0.14 с показателем

среды, благоприятствующей распространению малярии. Данные корреляции вызывают вопрос, отражают ли инструментальные переменные Асеомглу, Джонсона и Робинсона историческое, а не современное состояние заболеваемости, поскольку последнее может оказывать самостоятельное влияние на человеческий капитал, экономическое развитие и институты.

Асеомглу, Джонсон и Робинсон хорошо осведомлены о данном вопросе. В качестве теста они строят регрессии, оценивающие одновременную зависимость выбранных институциональных переменных от уровня смертности поселенцев и риска заболевания малярией, и обнаруживают, что статистически значимым является показатель уровня смертности, а не сегодняшний риск заболевания малярией. В табл. 10 представлены результаты аналогичного регрессионного анализа с использованием всех имеющихся наблюдений (Асеомглу, Джонсон и Робинсон используют подмножество). Полученные нами результаты отличаются от представленных в их работе. Влияние уровня смертности поселенцев на сегодняшние институты по-прежнему является значительным, однако такая же ситуация и с риском заболевания малярией. Уровень смертности поселенцев, по крайней мере частично, отражает современное состояние заболеваемости. Данные результаты указывают на то, что оно действительно имеет значение, и необходимо быть осторожными при трактовке инструментальных переменных Асеомглу, Джонсона и Робинсона как показателей, отражающих риск смерти в колониальных, а не современных условиях.

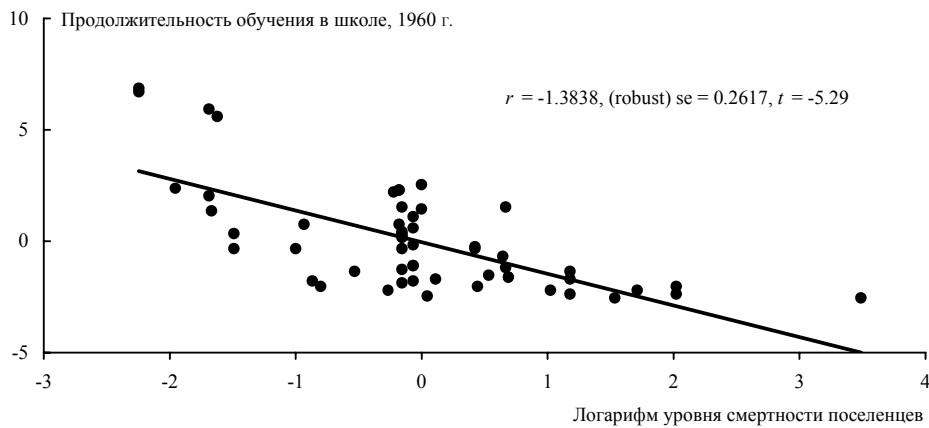
Таблица 10

	Зависимые переменные			
	Ограничения исполнительной власти, 1960–2000 гг.	Риск экспроприации собственности, 1982–1997 гг.	Автократия – Alvarez et al., 1960–1990 гг.	Эффективность государства, 1998–2000 гг.
Логарифм уровня смертности поселенцев	-0.4351 ^b (0.1965)	-0.3543 ^b (0.1764)	0.0938 ^c (0.0507)	-0.2034 ^b (0.0918)
Удельный вес населения, сталкивающегося с риском заболевания малярией, 1994 г.	-1.5215 ^a (0.5504)	-0.9679 ^b (0.3731)	0.4397 ^a (0.1597)	-0.7745 ^a (0.2133)
Наблюдения	74	66	74	77
R ²	0.36	0.32	0.29	0.43

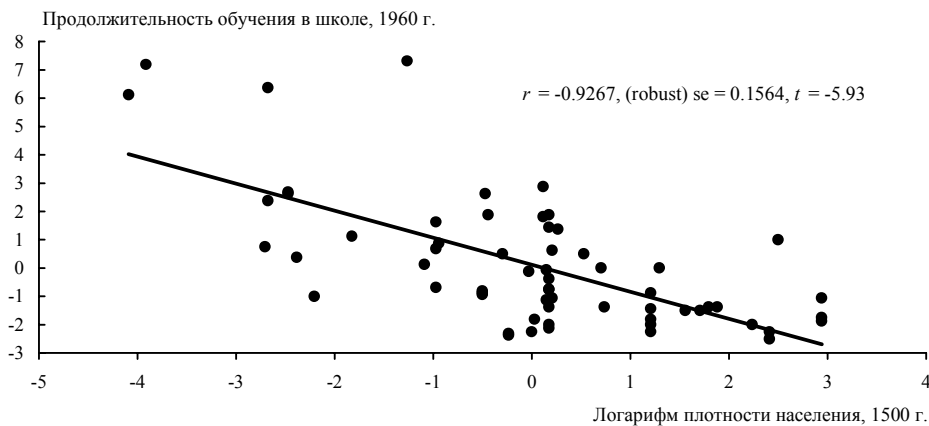
Примечание. а – значимо на 1% уровне; b – значимо на 5% уровне; c – значимо на 10% уровне. В таблице представлены результаты регрессионного анализа на основе метода наименьших квадратов с использованием данных по странам. Спецификации включают константу, однако соответствующие оценки в таблице не указаны. Устойчивые стандартные ошибки даны в скобках. Определения всех переменных приведены в приложении.

Как и прежде, уровень смертности поселенцев и плотность населения в 1500 г. тесно коррелируют с сегодняшним уровнем доходов на душу населения. Какова возможная причина? Это подводит нас к нашему третьему и решающему выводу. Для того чтобы данные инструментальные переменные были действительными показателями качества институтов,

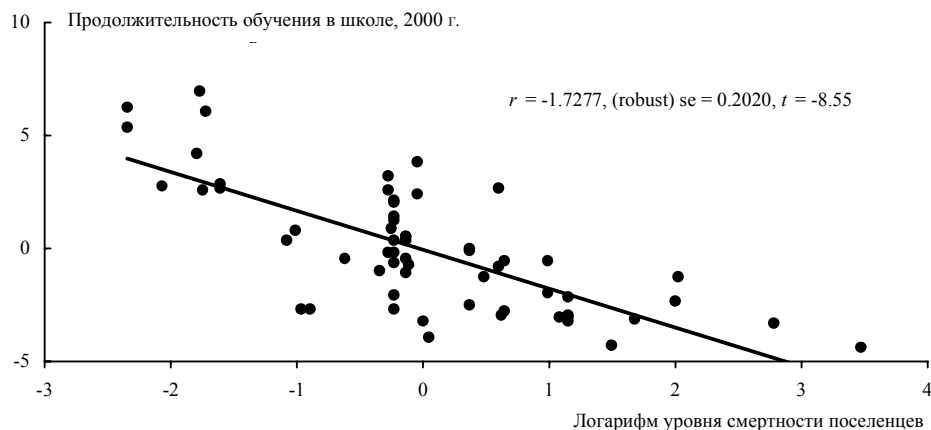
необходимо, чтобы они не оказывали влияние на уровень доходов на душу населения через другие каналы, то есть, чтобы они не коррелировали с ошибкой спецификации. Мы увидели, что человеческий капитал является важным детерминантом экономического роста. Малярия также оказывает существенное влияние на уровень нынешних доходов. Могут ли предложенные Асемоглу, Джонсоном и Робинсоном инструментальные переменные влиять на сегодняшнее экономическое развитие через человеческий капитал? Иначе говоря, возможно, что когда колонизаторы основывали поселения, они привносили свои ноу-хау, а не ограничения исполнительной власти.

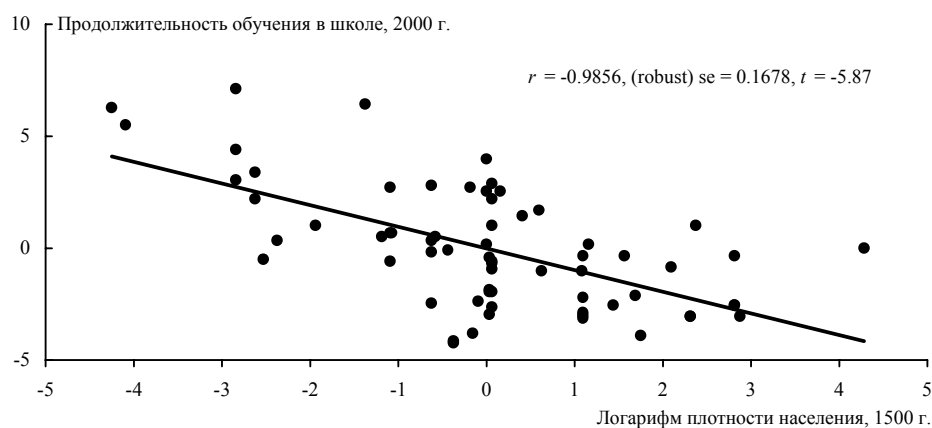
Рис. 2. Продолжительность обучения в школе (1960 г.) и логарифм уровня смертности поселенцев

Рис. 3. Продолжительность обучения в школе (1960 г.) и логарифм плотности населения (1500 г.)

Рис. 4. Продолжительность обучения в школе (2000 г.) и логарифм уровня смертности поселенцев

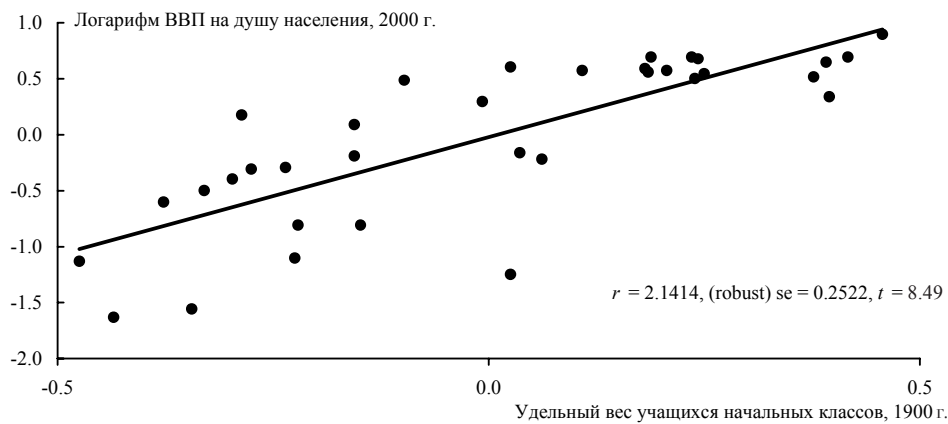

Рис. 5. Продолжительность обучения в школе (2000 г.) и логарифм плотности населения (1500 г.)

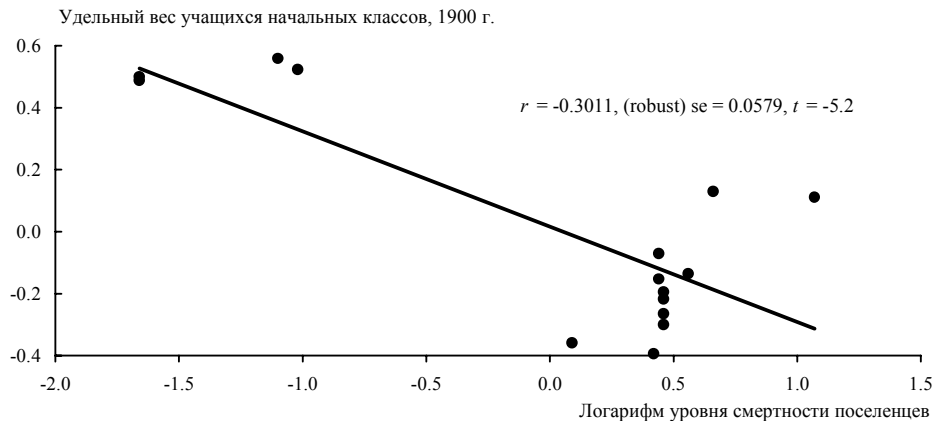
На рис. 2–5 показана взаимосвязь между уровнем смертности поселенцев и плотностью населения в 1500 г., с одной стороны, и общей продолжительностью обучения в школе в 1960 и 2000 г. – с другой. Указанные корреляции являются даже более сильными по сравнению с корреляциями между уровнем смертности поселенцев и показателями институтов. Например, коэффициент корреляции между уровнем смертности поселенцев и продолжительностью обучения в школе в 2000 г. составляет -0.73 .

Некоторые дополнительные факты, свидетельствующие о значении человеческого капитала и его взаимосвязи с предложенными инструментальными переменными, могут быть получены на основе небольшой выборки стран, по которым мы располагаем данными относительно удель-

ного веса учащихся начальных классов в 1900 г. Рис. 6 показывает, что данный показатель инвестиций в образование столетие назад четко указывает на *сегодняшний* уровень экономического развития. Далее рис. 7 и 8 показывают, что указанный показатель образования имеет сильную отрицательную корреляцию с предложенными Асемоглу, Джонсоном и Робинсоном инструментальными переменными. Данные факты опять-таки могут свидетельствовать о том, что движущей силой экономического роста является человеческий капитал, как сегодняшний, так и исторически обусловленный колонизацией.

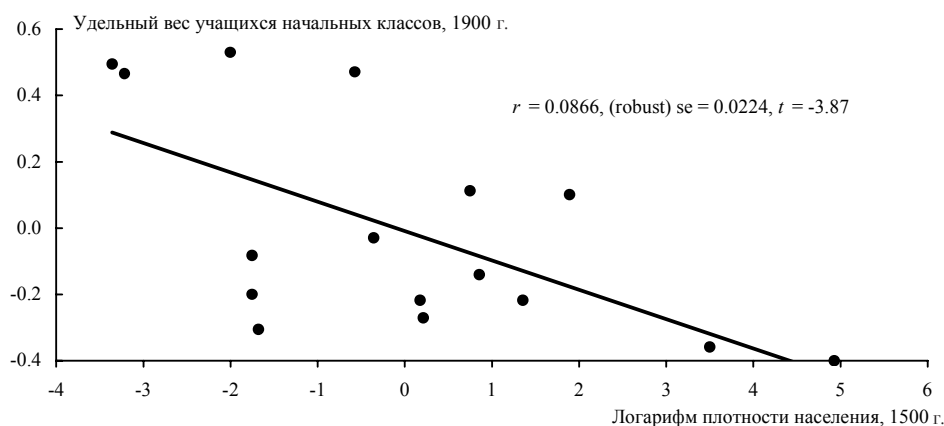
Рис. 6. Логарифм ВВП на душу населения (2000 г.) и удельный вес учащихся начальных классов (1900 г.)

Рис. 7. Удельный вес учащихся начальных классов (1900 г.) и логарифм уровня смертности поселенцев

В табл. 11 приведены результаты дальнейшего исследования воздействия человеческого капитала и политических институтов в рамках под-

хода с использованием инструментальных переменных. Мы приводим оценки первого и второго шагов влияния средней продолжительности обучения в школе за период 1960–2000 гг. и среднего показателя ограничений исполнительной власти за тот же период на логарифм ВВП на душу населения в 2000 г. на основе данных проекта «Polity IV». В качестве инструментальных переменных используются французские правовые источники, логарифм уровня смертности поселенцев и логарифм плотности населения в 1500 г. (последние две переменные используются по отдельности). Инструментальные переменные, предложенные Асемоглу, Джонсоном и Робинсоном, являются важными детерминантами ограничений исполнительной власти и продолжительности обучения в школе в регрессиях первого шага, тогда как в странах с французскими правовыми источниками имеют место меньшие ограничения исполнительной власти, что согласуется с работой La Porta et al. (1999). Однако в регрессии второго шага прогнозные значения показателя продолжительности обучения в школе являются статистически значимым детерминантом уровня доходов на душу населения, тогда как ограничения исполнительной власти таковыми не являются. Как бы то ни было, при использовании данных проекта «Polity IV» человеческий капитал выглядит более важной, чем политические институты, переменной, влияющей на экономическое развитие.

Рис. 8. Удельный вес учащихся начальных классов (1900 г.) и логарифм плотности населения (1500 г.)

Мы не хотели бы делать из данных результатов далеко идущие выводы. Исходя из нашей логики, человеческий капитал и институты не являются единственным потенциально важным багажом, который европейские колонисты привнесли с собой, так что инструментальная переменная по-прежнему может коррелировать с ошибкой спецификации. Среди прочего они привнесли с собой «оружие, микробы и сталь» (Diamond (1997); Engerman, Sokoloff (1991)). Эффекты создания колониальных поселений действуют через многие каналы, и инструментальные переменные, используемые в

литературе, не говорят нам о том, какие каналы имеют значение. Даже если согласиться с точкой зрения, что переменные, предложенные в работах Acemoglu, Johnson, and Robinson (2001; 2002), определяют характер европейских поселений, эмпирические данные ничего не говорят нам о том, привносили европейцы свой человеческий капитал, политические институты или что-либо еще. Подход, базирующийся на использовании инструментальных переменных, не говорит нам о том, что является причиной экономического роста.

Таблица 11

Экономическое развитие: регрессии с использованием инструментальных переменных

Панель А: Регрессии второго шага				
Зависимая переменная – логарифм ВВП на душу населения в 2000 г.				
	(1)		(2)	
Продолжительность обучения в школе, 1960–2000 гг.	0.7894 ^a (0.2753)		0.4836 ^b (0.1875)	
Ограничения исполнительной власти, 1960–2000 гг.	–0.3432 (0.2577)		–0.2965 (0.2410)	
Удельный вес населения, проживающего в зоне умеренного климата, 1995 г.	–1.6969 (1.2053)		–0.0863 (0.7714)	
Наблюдения	47		55	
R ²	0.31		0.50	
Панель В: Регрессии первого шага				
Зависимые переменные:				
	Ограничения исполнительной власти, 1960–2000 гг.	Продолжительность обучения в школе, 1960–2000 гг.	Ограничения исполнительной власти, 1960–2000 гг.	Продолжительность обучения в школе, 1960–2000 гг.
Удельный вес населения, проживающего в зоне умеренного климата, 1995 г.	–0.1195 (0.7202)	3.4975 ^a (0.8044)	–0.0353 (0.8359)	2.8397 ^a (0.8933)
Логарифм уровня смертности поселенцев	–0.8212 ^a (0.2053)	–1.0183 ^a (0.2293)		
Логарифм плотности населения, 1500 г.			–0.3737 ^b (0.1582)	–0.6140 ^a (0.1691)
Французские правовые источники	–1.4124 ^a (0.4258)	–0.3770 (0.4757)	–1.1988 ^b (0.4538)	–0.5329 (0.4850)
Наблюдения	47	47	55	55
R ²	0.53	0.70	0.25	0.55
F-тест для исключенных инструментальных переменных		17.23		4.70
Корреляция прогнозных значений показателя ограничений исполнительной власти и продолжительности обучения в школе		0.8182		0.8163

Примечание. a – значимо на 1% уровне; b – значимо на 5% уровне; c – значимо на 10% уровне. В таблице представлены результаты регрессионного анализа на основе метода наименьших квадратов с использованием инструментальных переменных и данных по странам. В панели А приведены оценки второго шага на основе регрессионного анализа с использованием инструментальных переменных, оценки первого шага даны в панели В. Зависимой переменной в обеих спецификациях второго шага является логарифм ВВП на душу населения в 2000 г. В панели В представлены оценки первого шага для двух групп инструментальных переменных. В рамках первой спецификации оценивается зависимость показателей ограничений ис-

полнительной власти и продолжительности обучения в школе от логарифма уровня смертности поселенцев и французских правовых источников. В рамках второй спецификации оценивается зависимость показателей ограничений исполнительной власти и продолжительности обучения в школе от логарифма плотности населения в 1500 г. и французских правовых источников. Спецификации включают константу, однако соответствующие оценки в таблице не указаны. Устойчивые стандартные ошибки даны в скобках. Определения всех переменных приведены в приложении.

6. ОТ ОБУЧЕНИЯ В ШКОЛЕ К ИНСТИТУТАМ

В последней попытке понять, что имеет первостепенное значение – обучение в школе или результаты функционирования институтов, – мы, вслед за Барро (Barro (1997; 1999)), рассматриваем временные рамки. Если более важны институты, то лаговые значения политических переменных должны указывать на повышение уровня образования. Если же критически важное значение имеет образование, то лаговые значения образовательных переменных должны указывать на улучшение результатов функционирования институтов. В верхней панели табл. 12, используя пятилетние интервалы, мы строим регрессии, отражающие зависимость изменения продолжительности обучения в школе от фиксированных страновых эффектов, исходной продолжительности обучения в школе и исходных показателей качества политических институтов, которые используются в литературе по экономическому росту, а также от исходного уровня ВВП на душу населения. Данные указывают на наличие определенного эффекта возвращения к среднему значению показателя продолжительности обучения в школе (возможно, по причине ошибки измерения), значительного положительного воздействия исходного уровня доходов на повышение уровня образования и отсутствие какого-либо влияния исходных политических институтов на увеличение человеческого капитала вне зависимости от того, каким образом они измеряются.

В нижней панели мы рассматриваем изменение политических институтов на пятилетних временных интервалах как функцию фиксированных страновых эффектов, первоначальной продолжительности обучения в школе, исходного уровня экономического развития и исходных уровней качества этих политических институтов. Результаты поражают. Первоначальная продолжительность обучения в школе в значительной степени объясняет улучшение результатов функционирования институтов в следующие пять лет при использовании трех из четырех показателей, в том числе показателя ограничений исполнительной власти. На основе исходного уровня доходов на душу населения спрогнозировать ничего нельзя. И, как мы видели раньше, существует значительный эффект возвращения к среднему значению этих показателей качества институтов.

Как и прежде, из этих результатов мы не хотели бы делать далеко идущие выводы. Однако они удивительным образом соответствуют точке зрения Липсета, согласно которой большой человеческий капитал ведет к улучшению качества институтов даже в рамках относительно короткого

периода времени в пять лет. Кроме того, как и многие другие представленные выше выводы, данные результаты противоречат точке зрения, что высокие оцененные значения показателей качества политических институтов указывают на последующее увеличение продолжительности обучения в школе.

Таблица 12

Панель А: Зависимая переменная – изменение продолжительности обучения в школе за пятилетний период ($t + 5, t$)				
Продолжительность обучения в школе (t)	-0.0721 ^a (0.0237)	-0.0460 (0.0339)	-0.0707 ^a (0.0250)	-0.0691 ^a (0.0239)
Логарифм ВВП на душу населения (t)	0.2839 ^a (0.0790)	0.3978 ^a (0.1055)	0.2809 ^a (0.0797)	0.2825 ^a (0.0793)
Ограничения исполнительной власти (t)	-0.0099 (0.0118)			
Автократия – Polity IV (t)		0.0373 (0.0391)		
Автократия – Alvarez et al. (t)			0.0065 (0.0080)	
Демократия (t)				-0.0094 (0.0074)
Наблюдения	514	420	514	514
R^2	0.24	0.26	0.24	0.24
Панель В: Зависимые переменные – изменения показателей качества политических институтов за пятилетний период ($t + 5, t$)				
	Изменение показателя ограничений исполнительной власти	Изменения показателя автократии – Polity IV	Изменение показателя автократии – Alvarez et al.	Изменение показателя демократии
Продолжительность обучения в школе (t)	0.4975 ^a (0.1191)	-0.9092 ^a (0.1790)	-0.0958 (0.0707)	0.7004 ^a (0.1804)
Логарифм ВВП на душу населения (t)	0.0382 (0.4035)	0.5075 (0.6295)	-0.2675 (0.2022)	0.2918 (0.6055)
Ограничения исполнительной власти (t)	-0.5724 ^a (0.0716)			
Автократия – Polity IV (t)		-0.5471 ^a (0.0680)		
Автократия – Alvarez et al. (t)			-0.8642 ^a (0.1032)	
Демократия (t)				-0.5145 ^a (0.0650)
Наблюдения	499	499	349	499
R^2	0.33	0.32	0.47	0.30

Примечание. a – значимо на 1% уровне; b – значимо на 5% уровне; c – значимо на 10% уровне. В таблице представлены результаты регрессионного анализа на основе метода наименьших квадратов с фиксированными эффектами и использованием данных по странам. Спецификации включают константу и фиксированные для стран эффекты, однако соответствующие оценки в таблице не указаны. Ошибки сгруппированы на уровне стран и даны в скобках. Определения всех переменных приведены в приложении.

7. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование причинно-следственной связи между институтами и экономическим ростом оказалось чрезвычайно сложным делом. Несмотря на наши творческие усилия и проницательность, существующие стратегии

проведения исследований не позволяют установить данную связь по причине наличия концептуальных проблем, связанных с измерением качества институтов, а также ограниченных возможностей эконометрических методов. В частности, существующие исследования не показывают, что политические институты, а не человеческий капитал, оказывают влияние на экономический рост. В действительности многие факты свидетельствуют о первостепенном значении человеческого капитала как для экономического роста, так и для демократизации.

Полученные нами результаты соответствуют точке зрения на институты, кратко изложенной в работе Djankov et al. (2003). В соответствии с данной работой, каждое общество сталкивается с определенным набором институциональных возможностей, определяемых, главным образом, человеческим и социальным капиталом его населения. Чем больше человеческий и социальный капитал общества, тем более привлекательны его институциональные возможности. В подобных теоретических рамках институты представляют собой определенные точки данного набора возможностей, зависящие от экономической эффективности, истории и политики. Институты характеризуются высокой стабильностью, поскольку история, в том числе колониальная, влияет на общественный выбор. Однако результаты функционирования институтов также улучшаются по мере того, как общество становится богаче, поскольку при этом улучшаются институциональные возможности. Важно, что в этих теоретических рамках институты оказывают лишь воздействие второго порядка на функционирование экономики. Воздействие первого порядка исходит от человеческого и социального капитала, который определяет как институциональные, так и производственные возможности общества.

Полученные нами результаты имеют определенное значение для экономических исследований и экономической политики. Они предполагают, что исследования в области институциональной экономической теории, и в частности *последствий* альтернативных институциональных систем, должны быть сфокусированы на фактических правилах, а не на концептуально неоднозначных оценках результатов функционирования институтов. Выводы, представленные в данной работе, не говорят о том, что «институты не имеют значения». Данное утверждение прямо противоречит огромному числу имеющихся эмпирических данных, включая наши собственные. Напротив, наши результаты указывают на то, что нынешние стратегии измерения качества институтов обладают концептуальными недостатками, и было бы лучше, если бы исследователи сфокусировали внимание на фактических законах, правилах и процедурах закрепления институтов, которыми может манипулировать лицо, принимающее решения, с тем, чтобы оценить работоспособность институтов.

Что касается политики, то наши результаты не подтверждают мнение, что, с точки зрения перспектив защиты прав собственности и экономического развития, вначале должны произойти демократизация и введение ограничений государства. Во многих бедных странах подобная защита

обеспечивается благодаря политическому выбору, который делают диктаторы. Послевоенный экономический успех восточно-азиатских стран, а в последние годы и Китая явился следствием проводимой диктаторами политики содействия росту, а не результатом наличия институтов, ограничивающих их действия. Это утверждение наиболее убедительно подтверждает пример Китая: в действиях Дэна, одного из наилучших диктаторов – сторонников экономического роста, пришедшего на смену Мао, одного из наихудших диктаторов, не было ничего заранее predetermined. В более общем плане, менее полезен поиск «глубинных» факторов, объясняющих экономическое развитие, а не политику, благоприятствующую накоплению человеческого и физического капитала (см. также Przeworski (2004a; 2004b)).

Все это не отрицает достоинств демократии и ограничений государства, которые сами по себе представляют неотъемлемые человеческие ценности. В работе Mulligan, Gil, and Sala-i-Martin (2004) приведены неоспоримые факты, свидетельствующие о том, что в таких вопросах политики, как свобода прессы, использование пыток, смертная казнь и регулирование религиозной деятельности, демократы являются гораздо более мягкими по сравнению с диктаторами. Однако наши данные внушают определенный скептицизм относительно жизнеспособности демократии в странах с низким уровнем человеческого капитала – в мире было всего лишь несколько примеров подобных демократий. В отличие от этого, они говорят о том, что более точной является точка зрения Липсета, Пшеворского и Барро: страны, пережившие бедность, накапливают человеческий и физический капитал в условиях диктатуры, а затем, после того как они становятся богаче, их институты совершенствуются с большей вероятностью.

ЛИТЕРАТУРА

Acemoglu, D., Johnson, S., and Robinson, J.A. (2001) The Colonial Origins of Comparative Development: An Empirical Investigation, *American Economic Review*, 91, 5, 1369–1401.

Acemoglu, D., Johnson, S., and Robinson, J.A. (2002) Reversal of Fortune: Geography and Development in the Making of the Modern World Income Distribution, *Quarterly Journal of Economics*, 117, 4, 1231–1294.

Alesina, A., Ozler, S., Roubini, N., and Swagel, P. (1996) Political Instability and Economic Growth, *Journal of Economic Growth*, 1, 2, 189–212.

Alvarez, M., Cheibub, J.A., Limongi, F., and Przeworski, A. (2000) *Democracy and Development: Political Institutions and Material Well-Being in the World, 1950–1990*, Cambridge, Cambridge University Press.

Aten, B., Heston, A., and Summers, R. (2002) *Penn World Tables Version 6.1*, Center for International Comparisons at the University of Pennsylvania (CICUP).

Barro, R.J. (1991) Economic Growth in a Cross-Section of Nations, *Quarterly Journal of Economics*, 106, 2, 407–443.

Barro, R.J. (1997) *Determinants of Economic Growth*, Cambridge, MIT Press.

- Barro, R.J. (1999) Determinants of Democracy, *Journal of Political Economy*, 107, 6–2, 158–183.
- Barro, R.J., Lee, J.-W. (2000) International Data on Educational Attainment: Updates and Implications, *Center for International Development Working Paper*, 42, February.
- Beck, T., Clarke, G., Groff, A., Keefer, P., and Walsh, P. (2001) New Tools in Comparative Political Economy: The Database of Political Institutions, *World Bank Economic Review*, 15, 1, 165–176.
- CID (NA) *Geography Data Sets*, Harvard University, Center for International Development, <http://www2.cid.harvard.edu/ciddata/geographydata.htm#General%20measures%20of%20geography>.
- DeLong, J.B., Shleifer, A. (1993) Princes and Merchants: City Growth before the Industrial Revolution, *Journal of Law and Economics*, 36, 2, 671–702.
- Diamond, J. (1997) *Guns, Germs, and Steel*, New York, Norton.
- Djankov, S., La Porta, R., Lopez-de-Silanes, F., and Shleifer, A. (2003) The New Comparative Economics, *Journal of Comparative Economics*, 31, 4, 595–619. (Рус. перев. – Дьянков С., Глэзер Э., Ла Порта Р., Лопес-де-Силанес Ф., Шляйфер А. (2003) Новая компаративная экономическая теория, *ЭКОБЕСТ*, 3, 3, 422–459. – Здесь и далее – прим. перев.)
- Dollar, D., Kraay, A. (2003) Institutions, Trade, and Growth, *Journal of Monetary Economics*, 50, 1, 133–162.
- Easterly, W., Levine, R. (2003) Tropics, Germs, and Crops: How Endowments Influence Economic Development, *Journal of Monetary Economics*, 50, 1, 3–39.
- Engerman, S., Sokoloff, K. (1991) Factor Endowments, Institutions, and Differential Paths of Growth among New World Economies, S. Haber (ed.), *How Latin America Fell Behind*, Stanford, Stanford University Press.
- Gallup, J.L., Sachs, J.D. (2001) The Economic Burden of Malaria, *American Journal of Tropical Medicine and Hygiene*, 64, 1–2, Supplement, 85–96.
- Hall, R.E., Jones, C.I. (1999) Why Do Some Countries Produce so Much More Output per Worker than Others? *Quarterly Journal of Economics*, 114, 1, 83–116.
- Jagers, K., Marshall, M.G. (2000) *Polity IV Project*, University of Maryland, Center for International Development and Conflict Management.
- Jones, B., Olken, B. (2003) *Do Leaders Matter? National Leadership and Growth since World War II*, Harvard University, monograph.
- Kaufmann, D., Kraay, A., and Mastruzzi, M. (2003) Governance Matters III: Updated Governance Indicators for 1996–2002, *World Bank Policy Research Working Paper*.
- Kaufmann, D., Kraay, A., and Zoido-Lobaton, P. (2002) Governance Matters II: Updated Governance Indicators for 2000–2001, *World Bank Policy Research Working Paper*, 2772, February.
- Kiszewski, A., Mellinger, A., Malaney, P., Spielman, A., Ehrlich, S., and Sachs, J.D. (2004) A Global Index of the Stability of Malaria Transmission Based on the Intrinsic Properties of Anopheline Mosquito Vectors, *American Journal of Tropical Medicine and Hygiene*, forthcoming.
- Knack, S., Keefer, P. (1995) Institutions and Economic Performance: Cross-Country Tests Using Alternative Measures, *Economics and Politics*, 7, 3, 207–227.
- La Porta, R., Lopez-de-Silanes, F., Pop-Eleches, C., and Shleifer, A. (2004) Judicial Checks and Balances, *Journal of Political Economy*, 112, 2, 445–470.
- La Porta, R., Lopez-de-Silanes, F., Shleifer, A., and Vishny, R. (1997) Legal Determinants of External Finance, *Journal of Finance*, 52, 3, 1131–1150.

- La Porta, R., Lopez-de-Silanes, F., Shleifer, A., and Vishny, R. (1998) Law and Finance, *Journal of Political Economy*, 106, 6, 1113–1155.
- La Porta, R., Lopez-de-Silanes, F., Shleifer, A., and Vishny, R. (1999) The Quality of Government, *Journal of Law, Economics, and Organization*, 15, 1, 222–279.
- Lindert, P.H. (2001) Democracy, Decentralization, and Mass Schooling before 1914, *University of California Agricultural History Center Working Paper*, February.
- Lipset, S.M. (1960) *Political Man: The Social Basis of Modern Politics*, New York, Doubleday.
- Lucas, R.E. (1988) On the Mechanics of Economic Development, *Journal of Monetary Economics*, 22, 1, 3–42.
- Maddison, A. (2003) *The World Economy: Historical Statistics*, Paris, OECD.
- Mauro, P. (1995) Corruption and Growth, *Quarterly Journal of Economics*, 110, 681–712.
- McEvedy, C., Jones, R. (1978) *Atlas of World Population History*, Viking Press.
- Montesquieu, C. de S. (1748) *The Spirit of the Laws*, Paris.
- Mulligan, C., Gil, R., and Sala-i-Martin, X. (2004) Do Democracies Have Different Public Policies than Nondemocracies? *Journal of Economic Perspectives*, 18, 1, 51–74.
- North, D.C. (1981) *Structure and Change in Economic History*, New York, Norton & Co.
- North, D.C. (1990) *Institutions, Institutional Change, and Economic Performance*, Cambridge, Cambridge University Press. (Рус. перев. – Норт Д. (1997) *Институты, институциональные изменения и функционирование экономики*, Москва, Начала.)
- North, D.C., Thomas, R.P. (1973) *The Rise of the Western World: A New Economic History*, Cambridge, Cambridge University Press.
- Persson, T., Tabellini, G. (2003) *The Economic Effects of Constitutions*, Cambridge, MIT Press.
- Pritchett, L. (2000) Where Has All the Education Gone? *World Bank Economic Review*, 15, 3.
- PRS (1996) *International Country Risk Guide*, East Syracuse, Political Risk Services.
- Przeworski, A. (2004b) *Geography versus Institutions Revisited: Were Fortunes Reversed?* New York University, mimeo.
- Przeworski, A. (2004a) *The Last Instance: Are Institutions the Primary Cause of Economic Development?* New York University, mimeo.
- Rodrik, D., Subramanian, A., and Trebbi, F. (2002) Institutions Rule: The Primacy of Institutions over Geography and Integration in Economic Development, *NBER Working Paper*, 9305, October.
- Smith, A. (1976) *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*, Chicago, University of Chicago Press. (Рус. перев. – Смит А. (1962) *Исследование о природе и причинах богатства народов*, Москва, Соцэкгиз.)
- WHO (1997) World Malaria Situation in 1994, Part I, *WHO Weekly Epidemiological Record*, 36, 269–274.

Перевод Юрия Валевича

ПРИЛОЖЕНИЕ. ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПЕРЕМЕННЫХ

Переменная	Определение
Показатели качества институтов	
Ограничения исполнительной власти	Показатель наличия институционализированных ограничений при принятии решений руководством исполнительной ветви власти. Данная переменная указывает на семь различных ситуаций: (1) неограниченная власть (отсутствие каких-либо постоянных ограничений, налагаемых на действия руководства исполнительной ветви власти, что следует отличать от временных ограничений, таких как угроза или факт государственных переворотов и покушений); (2) промежуточная ситуация; (3) наличие незначительных или умеренных ограничений исполнительной власти (имеют место определенные реальные, но незначительные ограничения исполнительной власти); (4) промежуточная ситуация; (5) наличие значительных ограничений исполнительной власти (исполнительная ветвь власти обладает большими фактическими полномочиями по сравнению с какой-либо подотчетной группой, но эти полномочия в значительной степени ограничены); (6) промежуточная ситуация; (7) равенство исполнительной власти, или субординация (подотчетные группы обладают фактическими полномочиями, равными или превышающими полномочия исполнительной ветви власти в большинстве сфер деятельности). Значения данной переменной варьируются от 0 до 7, где более высокие значения соответствуют наличию больших институционализированных ограничений полномочий руководства исполнительной ветви власти. Данная переменная рассчитывается как среднее значение за период 1960–2000 гг. или за определенные годы, если это требуется при построении таблиц. Источник: Jagers, Marshall (2000).
Демократия	Показатель демократичности режима определенной страны, исходя из: (1) уровня конкуренции в ходе политического процесса; (2) открытости и конкуренции при назначении государственных чиновников; и (3) ограничений полномочий главы исполнительной ветви власти. Значения данной переменной варьируются от 0 до 10, где более высокие значения соответствуют более высокой степени институционализированной демократии. Данная переменная рассчитывается как среднее значение за период 1960–2000 гг. или за определенные годы, если это требуется при построении таблиц. Источник: Jagers, Marshall (2000).
Автократия – Polity IV	Показатель автократичности режима определенной страны, исходя из: (1) уровня конкуренции в ходе политического процесса; (2) степени его регулирования; (3) открытости и конкуренции при назначении государственных чиновников; и (4) ограничений полномочий главы исполнительной ветви власти. Значения данной переменной варьируются от 0 до 10, где более высокие значения соответствуют более высокой степени институционализированной автократии. Данная переменная рассчитывается как среднее значение за период 1960–2000 гг. или за определенные годы, если это требуется при построении таблиц. Источник: Jagers, Marshall (2000).
Риск экспроприации собственности	Риск «прямой конфискации и принудительной национализации» собственности. Значения данной переменной варьируются от 0 до 10, где более высокие значения соответствуют меньшей вероятности экспроприации. Данная переменная рассчитывается как среднее значение за период 1982–1997 гг. или за определенные годы, если это требуется при построении таблиц. Источник: International Country Risk Guide, http://www.countrydata.com/datasets/ .
Автократия – Alvarez et al.	Данная переменная позволяет классифицировать режимы, исходя из степени автократичности. Демократии обозначены 0, бюрократии (диктатуры с законодательным органом) – 1 и автократии (диктатуры без законодательного органа) – 2. Переходный период обозначен в соответствии с тем режимом, который впоследствии устанавливается в стране. Значения данной переменной варьируются от 0 до 2, где более высокие значения соответствуют большей автократичности. Данная переменная рассчитывается как среднее значение за период 1960 – 1990 гг. или за определенные годы, если это требуется при построении таблиц. Источник: Alvarez et al. (2000).
Эффективность государства	Данная переменная отражает качество обеспечения государственными услугами, качество бюрократии, уровень компетенции государственных служащих, степень их защиты от политического давления и доверие к проводимой государством политике. Основной целью данного показателя является рассмотрение «затрат», необходимых государству для выработки и осуществления эффективной политики и обеспечения общественными благами. Значения данной переменной варьируются от –2.5 до 2.5, где более высокие значения соответствуют большей эффективности государства. Данная переменная рассчитывается как среднее значение за период 1998–2000 гг. Источник: Kaufman et al. (2003).

Переменная	Определение
Показатели качества институтов	
Независимость судебных органов	Показатель независимости судебных органов рассчитывается как сумма трех переменных. Первая переменная отражает срок пребывания у власти судей верховного суда (суда высшей инстанции в любой стране) и принимает значение, равное 2, если полномочия являются пожизненными, 1 – если полномочия не являются пожизненными, но их продолжительность превышает шесть лет, и 0 – если срок пребывания у власти меньше шести лет. Вторая переменная отражает срок пребывания у власти высокопоставленных судей, занимающихся административным делопроизводством, и принимает значение, равное 2, если полномочия являются пожизненными, 1 – если полномочия не являются пожизненными, но их продолжительность превышает шесть лет, и 0 – если срок пребывания у власти меньше шести лет. Третья переменная указывает на наличие прецедентного права и принимает значение, равное 1, если в определенной стране судебные решения являются источником права, и 0 – в противном случае. Данная переменная нормирована с тем, чтобы принимать значения от 0 до 1, где более высокие значения соответствуют большей независимости судебных органов. Оценка переменной дана за 1995 г. Источник: La Porta et al. (2004).
Конституционное рассмотрение	Показатель конституционного рассмотрения рассчитывается как сумма двух переменных. Первая переменная отражает степень, в которой судьи определенной страны (верховного или конституционного суда) обладают властью проверять нормативно-правовые акты на предмет соответствия конституции. Данная переменная принимает три значения: 2 – если все нормативно-правовые акты проверяются на предмет соответствия конституции, 1 – если такая проверка осуществляется в определенных границах, 0 – если проверка нормативно-правовых актов на предмет соответствия конституции не осуществляется. Вторая переменная отражает (по шкале от 1 до 4), насколько сложно изменить конституцию в определенной стране. Данная переменная принимает значение, равное 1, если для изменения конституции требуется одобрение большинства депутатов парламента, главы государства и населения в ходе референдума. Значение переменной увеличивается на единицу в каждом из следующих случаев: если требуется одобрение квалифицированным большинством голосов (более чем 66% голосов), одобрение обеих палат парламента, одобрение поправкам депутатами парламента двух созывов или одобрение большинства депутатов региональных парламентов. Данная переменная нормирована с тем, чтобы принимать значения от 0 до 1, где более высокие значения соответствуют большему распространению рассмотрения нормативно-правовых актов судами на предмет соответствия конституции. Оценка переменной дана за 1995 г. Источник: La Porta et al. (2004).
Плюрализм	Данная переменная принимает значение, равное 1, если в определенном году выборы членов законодательных органов проходили на основе системы «победитель получает все/первый, кто считается избранным»; в противном случае значение переменной равно 0. Данная переменная рассчитывается как среднее значение за период 1975–2000 гг. Источник: Beck et al. (2001).
Пропорциональное представительство	Данная переменная принимает значение, равное 1, если в определенном году выборы депутатов проходили на основе системы пропорционального представительства; в противном случае значение переменной равно 0. Пропорциональное представительство означает, что депутаты избираются на основе количества голосов, набранных их партиями. Данная переменная рассчитывается как среднее значение за период 1975–2000 гг. Источник: Beck et al. (2001).
Другие переменные	
Удельный вес населения, проживающего в зоне умеренного климата	Удельный вес населения страны, проживавшего в зоне умеренного климата, по классификации Кепена-Гейгера, в 1995 г. Источник: Harvard University, Center for International Development, Geography Data Sets, http://www2.cid.harvard.edu/ciddata/geographydata.htm#General%20measures%20of%20geography .
Логарифм уровня смертности поселенцев	Логарифм уровня смертности европейских поселенцев во время колонизации. Источник: Acemoglu et al. (2001).
Плотность населения в 1500 г.	Соотношение общей численности населения и общей площади пахотной земли в 1500 г. Источник: McEvedy, Jones (1978); цит. по Acemoglu et al. (2002).
Удельный вес населения, сталкивающегося с риском заболевания малярией	Удельный вес населения, сталкивавшегося с риском заболевания малярией в 1994 г. Источник: WHO (1997).

Переменная	Определение
Показатели качества институтов	
Среда, благоприятствующая распространению малярии	Показатель среды, благоприятствующей распространению малярии, взвешенный с учетом численности населения (по состоянию на сентябрь 2003 г.). Данный показатель является инструментальной переменной, позволяющей оценивать риск заболевания малярией. Принимается во внимание тот факт, что причинно-следственная связь может идти не только от степени распространения малярии к уровню доходов, но и от уровня доходов к степени распространения малярии. Базовая формула оценки среды, благоприятствующей распространению малярии, включает уровень температуры, избыточную численность населения и тип переносчиков инфекции (тип комаров). Основной индекс оценивается на весьма дезагрегированном местном уровне, а затем усредняется для всей страны. Поскольку данный показатель среды, благоприятствующей распространению малярии, зависит от климатологических условий и типа переносчиков инфекции, которые могут быть одинаковыми для нескольких стран, он является экзогенным по отношению к государственной политике здравоохранения и экономическим условиям. Источник: Kiszewski et al. (2004).
Продолжительность обучения в школе	Продолжительность обучения в школе всего населения в возрасте старше 25 лет. Данная переменная рассчитывается как среднее значение за период 1960–2000 гг. или за определенные годы, если это требуется при построении таблиц. Источник: Barro, Lee (2000); International Data on Educational Attainment: Updates and Implications, http://www.cid.harvard.edu/ciddata/ciddata.html .
Удельный вес учащихся начальных классов	Данная переменная отражает удельный вес учащихся начальных классов среди детей в возрасте от 5 до 14 лет. Оценки даны за 1870, 1890 и 1900 гг. Источник: Lindert (2001).
Правовые истоки	Данный показатель указывает на правовые истоки законодательства, регулирующего деятельность акционерных компаний, или коммерческих кодексов каждой страны (английские, французские, социалистические, немецкие, скандинавские). Источник: La Porta et al. (1999).
ВВП на душу населения	Соотношение валового внутреннего продукта и численности населения. Источник: Aten et al. (2002). Данные доступны по адресу: http://pwt.econ.upenn.edu/ (в настоящей работе используются данные по состоянию на 06.04.2003 г.). Источником данных по ВВП на душу населения за 1870–1950 гг. является работа Maddison (2003).